

Салли Хэпворс

СЕМЬЯ ПО
СОСЕДСТВУ

«“ОТЧАЯННЫЕ ДОМОХОЗЯЙКИ” ОТДЫХАЮТ.
ГЛАВНАЯ НОВИНКА ЭТОГО ГОДА!».

РЕДАКЦИЯ PEORLETALK

Очаровательная ложь. Тайны моих соседей

Салли Хэпворс

Семья по соседству

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Хэпворс С.

Семья по соседству / С. Хэпворс — «Эксмо»,
2018 — (Очаровательная ложь. Тайны моих соседей)

ISBN 978-5-04-108564-3

В маленьком пригороде Плезант-Корт все друг друга знают. Дети не боятся гулять до позднего вечера, двери домов не закрывают на замок, а гостей встречает запотевший кувшин холодного лимонада. Но в один день все меняется. Изабелль приезжает в Плезант-Корт по работе. Во всяком случае, именно так она объясняет причину своего визита. Она совсем не вписывается в размеренную жизнь городка и очень скоро начинает привлекать внимание местных жителей, особенно женщин. Эсси, Эндж и Фрэн сближаются с Изабелль. Им интересно друг с другом, ведь у каждой – свои секреты. Почему Эндж контролирует все на свете? Почему Фрэн не подпускает мужа к ребенку? Почему три года назад Эсси гуляла с дочерью в парке, а домой вернулась одна? Как тяжело хранить секреты в маленьком пригороде Плезант-Корт. И как важно вовремя понять: большое видится на расстоянии.

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-108564-3

© Хэпворс С., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

1. Эсси	6
2	9
3	14
4. Френ	18
5	21
6	23
7. Эндж	26
8	28
9	30
10. Барбара	33
11. Эсси	36
12. Изабелль	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Салли Хэпворс

Семья по соседству

Оскарю.

Прости, что не написала книгу про динозавров.

© Косорукова Т., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Забавно ведь: всю свою жизнь я хотела тебя. Когда только научилась ходить, вечно таскала с собой куклу – пеленала ее, кормила и меняла подгузники. Потом моим любимым занятием стало придумывание имен своим будущим детям. Подростком я нянчилась с малышами при каждом удобном случае и представляла, что это ты прижимаешься к моему бедру, а не чужой ребенок, с которым я тогда сидела. Когда мне было чуть за двадцать, стало стыдно хотеть тебя. В конце концов, женщины должны были стремиться построить карьеру, путешествовать, быть успешными – мы были способны на все. Желание стать матерью не было оригинальным, смелым или интересным. Это было определено не то, к чему нужно стремиться.

И все же я хотела тебя.

Когда много лет спустя ты объявила о своем скором прибытии ослепительной болевой волной, я была шокирована. Разминки не было; никакого плавного начала. Во мне как будто работал отбойный молоток. К тому времени как добралась до больницы, я едва стояла на ногах. Медсестра начала принимать роды, даже не спросив, как меня зовут. Все это было скорее ужасно, а не чудесно.

1. Эсси

– Свежий воздух! – сказала мама Эсси в то утро. – Вывези ребенка на свежий воздух! Вам обоим это только на пользу!

И вот Эсси стоит под сомнительным укрытием из пальмовых листьев, в то время как дождь хлещет по детской горке на площадке. Всего несколько минут назад погода была прекрасной. Идеальный весенний день. Она шла вдоль пляжа Сандрингем, когда небо начало темнеть – на середине ее маршрута, не оставляя возможности развернуться и побежать домой.

Что такого хорошего в свежем воздухе? Если бы у нее был выбор, она бы предпочла менее свежий, кондиционированный воздух в помещении. Сейчас она хотела оказаться в доме, желательно в коттедже Каппа, за чашечкой английского чая в винтажной чашечке. А еще лучше в постели, наверстывать миллиард часов сна, которые она упустила за последние восемь недель. Но нет. Ей нужен был *свежий воздух*.

Миа, кажется, крепко спит под сеткой от дождя (вряд ли было что-то свежее в пластиковых испарениях, которыми она через нее дышала), но в тот момент, когда коляска перестанет двигаться, ее глаза тут же откроются и раздастся плач. На самом деле, с тех пор как родилась Миа, Эсси стала экспертом по катанию коляски: она ритмично возила ее из комнаты в комнату за собой, не позволяя ей простаивать больше двух секунд. Когда Эсси садилась, что случалось редко, она продолжала двигать коляску тремя пальцами ног. По словам Бена, она качала ее даже во сне.

– И когда это ты видел меня спящей в последнее время? – спросила она слегка дрожащим голосом. – Нет, *правда*. Скажи мне.

Внезапно у Бена появилось срочное дело в гараже.

На прошлой неделе Эсси так долго качала коляску, что в полу уже могла появиться яма, поэтому она выкатила ее в дальнюю часть сада и оставила там. Только на некоторое время. Сегодня прекрасный день, рассуждала она, и ей просто нужно немного побыть одной и, может быть, выпить чашку чая. Но едва Эсси вернулась в дом, как ее соседка, – у которой был ребенок возраста Мии, и он, казалось, только и делал, что спал и улыбался, – появилась в дверях, сообщила, что Миа плачет, и спросила, все ли в порядке.

– Все прекрасно, – ответила Эсси. – Все в порядке.

Дождь все льет, а Эсси продолжает катать коляску взад и вперед по влажной песчаной дорожке. Море стало темно-синим, а воздух соленым и острым. Вверху на дороге машины со свистом проносятся по влажному асфальту. Может быть, ей пробежаться до коттеджа Каппа и заказать чашечку английского чая? Но со своей гигантской трехколесной коляской она почти наверняка попадет на глаза другой мамочке с коляской, и ей придется вежливо болтать, чего она не выносит. *Мальчик или девочка? Сколько ей лет? Хорошо спит?* Эсси этого не выдержит. Конечно, другие мамы говорили о том, как это все тяжело – недосып, грудное вскармливание, стирка, – но они всегда делали это весело, настойчиво утверждая, что «оно того стоит». Вот в чем проблема. Эсси не была в этом уверена.

– Не каждая сразу привыкает, – сказала ей мама. – Ты устала. Просто дай себе время.

Эсси дала себе восемь недель. И все же всякий раз, когда она смотрела вниз на покрасневшую Мию, на ее раздраженное личико, все, что она чувствовала... ничего.

Каждый вечер Бен мчался домой с работы, отчаянно желая увидеть Мию. Если она спала (что было редко), он очень расстраивался.

– Может, разбудим ее? – умолял он.

– Никто не будит спящего ребенка, – быстро отвечала она, на самом деле имея в виду: зачем тебе это нужно?

Может, это была просто усталость. Через час приходила ее мама и принимала на себя все заботы о коляске, и мир снова обретал смысл. Мама приходила регулярно, хватала внучку и укладывала ее на плечо, успокаивая равномерными похлопываниями по попке, что у Эсси никогда не получалось повторить. Ее мама, похоже, никогда не беспокоилась, если Миа плакала или не слушалась, – она управлялась с ней так же легко и естественно, как будто это была одна из ее собственных конечностей. Обычно она приказывала Эсси пойти вздремнуть, и та с благодарностью соглашалась. Проблема была в том, что сон всегда заканчивался, мама возвращалась домой, и Эсси снова нужно было присматривать за ребенком.

Эсси вдохнула, наполняя легкие *свежим воздухом*. У нее опять было это чувство. Покалывание – острые булавки в животе и груди – это, как поняла Эсси, была тревога, или чувство вины, или, возможно, и то и другое.

– Ах, *это*, – сказала Эндж, соседка через дорогу, когда Эсси описала ей свое ощущение. – Да. Привыкай. Это называется «материнство».

Это был настоящий удар. Эсси думала, что тревога – одна из таких мимолетных «прелестей» раннего материнства, как набухшая грудь и ночная потливость, которые длятся мгновение и скоро забываются. Но видимо, это была одна из *других* «прелестей» материнства. Та, что принципиально вас меняет.

Женщина примерно того же возраста, что и Эсси, в черном лайкровом костюме и розовых кроссовках, бежала ей навстречу. Ее мокрые волосы были собраны в небрежный пучок. Бен приставал к Эсси, что надо начать бегать. «После хорошей пробежки я всегда чувствую себя лучше, – сказал он вчера. – Тебе стоит попробовать». Эсси попробовала бы, если бы верила, что это поможет. Она бы побежала на край света. Хотя не была уверена, прибежит ли потом обратно.

Бегунья насквозь промокла, но казалось, ее это не волнует. Она бежала, отпружинивая от земли, как и положено молодой женщине в хорошей форме. Свободной женщине. Эсси вспомнила, как когда-то сама была такой.

Миа шевелится в коляске, и Эсси понимает, что давно перестала ее качать. Бегунья пронеслась мимо, и за то время, которое потребовалось, чтобы она исчезла из поля зрения, Миа перешла от сна к истерике. Ее лицо исказилось, а голова мотается из стороны в сторону, словно требует ответа. *У кого хватило наглости перестать качать мою коляску? Разве вы не видели, что я СПЛЮ?* Ее лицо покраснело, и она вдохнула в себя достаточно воздуха, чтобы убедиться, что ее протест прозвучит громко и значительно. Эсси заткнула уши пальцами.

Было странно смотреть, как Миа кричит, но ее не слышно. Ее глаза плотно закрыты. На заднем плане шелестит дождь, и Эсси ничего не слышит. Она ничего не чувствует.

Через некоторое время Эсси пошла домой. Она остановилась у коттеджа Каппа и заказала себе чай, очень горячий, и медленно выпила его, сидя у окна. Заказала еще один. К тому времени как она вышла из кафе, дождь закончился. По дороге домой она испытала острое чувство потери равновесия – как будто каталась на роликах или на лыжах и только что снова надела туфли.

На подъездной дорожке Эсси увидела маму. Та остановилась, увидев дочь, и весело помачала. «Рада видеть тебя на улице, – сказала она, прежде чем посмотреть на пустое пространство вокруг Эсси. – А где Миа?»

Эсси перекинула мокрые волосы через плечо. Струйка воды сбежала по ее куртке.

– Эсси, – повторила мама уже медленнее. – Где Миа?

Эсси пожала плечами. «Я... оставила ее. На площадке».

Мама нахмурилась и застыла на месте. У Эсси было такое чувство, что впервые за несколько недель мама действительно увидела ее. «Какой площадке, Эсси? На какой площадке сейчас Миа?»

– На пляже.

Мама засуетилась. Через несколько секунд они были уже в машине и неслись в сторону пляжа, и Эсси подумала, что не стоило так спешить. Коляска была наверняка там, где она ее и оставила! Никто не пойдет туда после такого дождя; детская площадка, скорее всего, пуста и покрыта лужами. Миа наверняка вся покраснела от злости. Потребуется несколько часов, чтобы успокоить ее. Эсси хотелось, чтобы они поехали в противоположном направлении.

Мать неверно истолковала ее волнение и успокаивающе положила руку ей на плечо. «Мы найдем ее, Эсси, – сказала она. – Мы *найдем* ее».

Конечно же, они нашли ее. Миа была там, где Эсси ее оставила. Но не одна. Трое матерей в пуховиках окружили ее, самая высокая крепко держала Мию. *Мие это не нравится*, подумала Эсси. Конечно же, Миа выла. Еще одна женщина смотрела на них, без особого энтузиазма развлекая малышкой. Никто, казалось, не заметил, как Эсси и ее мама вышли из машины.

– А вот и она, – воскликнула мама Эсси, подбегая к ним. – Я вижу ее. Она в порядке. – Это наша, – крикнула женщинам мама Эсси. Когда она подошла достаточно близко, то протянула руки к Мие, переводя дыхание. – Фух. Огромное спасибо. Она моя внучка. Моя дочь случайно ушла без нее.

Высокая женщина даже не пошевелилась, чтобы передать Мию бабушке. Вместо этого она крепче прижала ее к себе, отчего Миа впала в еще большую истерику.

– Она ушла с площадки без своего *ребенка*?

– Да, ну... она устала и...

Эсси медленно подошла.

– Вы же знаете, какой бардак в голове, когда у вас грудничок! – Мама полусерьезно расмеялась, но потом замолчала. Что еще она могла сказать? Не было никакого разумного объяснения, и она это знала.

– Мне очень жаль, – сказала женщина коротко. – Но... откуда мы *знаем*, что она ваша внучка? Мы нашли ее брошенной на площадке. Мы не можем просто отдать ее.

Эсси медленно вышла вперед. Она почувствовала, как к горлу поднимается крик. Она хотела, чтобы все эти женщины ушли. *Она* хотела уйти. Назад. В то время, когда у нее не было детей, когда она была свободной, а не сумасшедшей леди, которая оставила ребенка на площадке.

– Ее зовут Миа, – снова попыталась объяснить мама. – Ей восемь недель. Ее одеяло я связала сама, и оно потрепалось на одном углу. У Мии есть родинка на правом бедре – похожа на пятно от портвейна.

Женщина обменялась взглядом с подругой.

– Мне очень жаль, но я действительно думаю, нам стоит подождать...

– Чего ты хочешь от нас? – воскликнула Эсси. – Чтобы мы дали показания? У девочки нет никаких документов. Просто отдай ее мне, – сказала она, проталкиваясь вперед. – Отдай мне моего ребенка!

Эсси почувствовала мамину руку на своем плече.

– Эсси...

– Отдай ее мне.

– Эсси, тебе нужно успокоиться и...

– ОТДАЙ МНЕ МОЕГО РЕБЕНКА! – закричала она, и как раз в этот момент подъехала полицейская машина.

2

3 ГОДА СПУСТЯ...

– Добрый вечер, дорогая семья, – провозгласил Бен, сбрасывая спортивную сумку. Он побежал на кухню, чтобы поцеловать Эсси и Мию. – Любимые жена и дочь. – Он отодвинулся на несколько шагов вправо и обнял Барбару, которая сидела на барном стуле и разгадывала кроссворд. – Любимая теща.

Барбара оттолкнула его.

– Бен! Ты весь потный.

– Ты бы тоже была потной, Барби, если бы сделала подряд три боксерские сессии, а потом побежала домой!

Он снял кепку и бросил ее на столешницу. Кепка упала на пол, прихватив с собой нож для масла и пресс для чеснока. Эсси бросила взгляд на мать, которая закатила глаза и снова посмотрела в свой кроссворд.

– Маленькая птичка напела мне, – обратился Бен к Мии, – что ты умеешь летать.

Она скептически посмотрела на него.

– Нет, не умею.

– Ты уверена? Потому что я уверен, что птичка пропела... – Он схватил Мию с кухонного стола и подбросил ее в воздух.

Она завизжала от восторга. Он был таким скользким от пота, что казалось, Миа может выпасть у него из рук.

На их свадьбе шафер сравнил Бена с доберманом... справедливо, по мнению Эсси. Он был не только счастливым, бесполезным и невероятно преданным, он был еще и большим, неуклюжим и неаккуратным. Всякий раз, когда он входил в комнату, она начинала казаться тесной, что было одновременно уютно... и немного раздражало.

– Вот видишь, – сказал он, – ты *умеешь* летать. – Он опустил ее на пол.

Бен управлял фитнес-студией «Шед», созданной для людей, которые мечтают быть Халками не только на совещаниях, но и в жизни. Полтора года назад он разработал приложение «Десять минут с Беном», в котором можно загрузить новую десятиминутную тренировку и план питания на каждый день. О приложении написали в газетах, и оно даже было одобрено несколькими известными футболистами. В результате его бизнес взлетел. Теперь у него было десять штатных сотрудников и десятки внештатных, но, поскольку Бен не мог высидеть за столом целый день, он все равно тренировал сам.

– Где же любимая дочь номер два? – спросил Бен.

Любимая дочь номер два появилась полгода назад. Эсси потребовалось почти два года, чтобы убедить Бена попробовать еще раз. («Почему бы не быть счастливыми с тем, что у нас есть? – говорил он снова и снова. – Зачем рисковать?») Очевидно, Эсси понимала его опасения. Восстановление – включая лечение в психиатрической больнице – заняло месяцы. Ее врач объяснил, что шансы на повторение послеродовой депрессии весьма значительны. Но Эсси все же пришла в себя. И она хотела получить второй шанс стать такой матерью, какой всегда мечтала быть. Барбара переехала в соседний дом, и тогда Бен наконец согласился (а еще, подумала Эсси, она поймала его на желании иметь сына). К сожалению, Бен так и не получил сына, но Эсси *получила* второй шанс. И ко всеобщему облегчению, на этот раз Эсси была в порядке.

Ну, в основном.

– Полли спит, – сказала Эсси.

– В *такую* жару?

Уже четвертый день температура не опускалась ниже сорока градусов, и все говорили только об этом. Подобная жара в Мельбурне случалась по крайней мере один раз за лето, но

это не мешало всем говорить о ней так, как будто это что-то из ряда вон выходящее. (*Жарко, да? Я не помню, чтобы было так жарко, когда я был ребенком. Я слышал, что в четверг придет похолодание.*)

– Похоже на то, – сказала Эсси. – Посмотрим, как долго это продлится.

Полли с самого начала хорошо спала, но пару недель назад она начала просыпаться через неравные промежутки времени, иногда даже каждый час. Это было похоже на жестокую шутку – дать ей идеального ребенка только для того, чтобы в шесть месяцев у нее был такой регресс.

Бен оперся локтями о стойку.

– Итак, – сказал он, – очевидно, у нас новый сосед.

– Я слышала, – сказала Эсси.

Весь Плезант-Корт лихорадочно обсуждал нового соседа. Здесь не было новых людей с тех пор, как переехала мама Эсси.

– Эндж сообщила мне вести с полей. – Эндж, из дома номер шесть, была агентом по недвижимости. – Она одинокая женщина, ей под сорок, она переехала из Сиднея по работе.

– Одинокая женщина? – удивилась Барбара, все еще глядя в свой кроссворд. Она постукала кончиком карандаша по губе. – В Сандрингеме? Почему она не купила квартиру в городе?

– Одинокие женщины могут жить в Сандрингеме! Может, она хочет жить на берегу моря.

– Но все-таки необычный выбор, правда? – сказала мама. – Особенно Плезант-Корт.

Эсси задумалась. Плезант-Корт был *определенно* семейным районом. Дома из красного кирпича в стиле 1930-х годов на тупиковой дороге, нуждающиеся в покраске и новом фундаменте, и те продаются больше чем за два миллиона благодаря близости к пляжу. Бен и Эсси купили свой дом, когда он стоил меньше половины этой суммы, но с тех пор цена на недвижимость взлетела до небес. Новая соседка, кем бы она ни была, снимала свое жилье, но даже аренда обошлась бы недешево – с тремя-четырьмя спальнями и садом, который нужно поддерживать в порядке. Эсси пришлось признать, что это не самый очевидный выбор для одинокого человека.

– Может быть, у нее есть муж и дети, которые скоро приедут? – сказала Эсси, открывая холодильник. Она вынула кочан айсберга, помидор и огурец и бросила все на стол. – Салат?

– Конечно, – сказал Бен. – И я сомневаюсь, что к ней присоединится муж.

– Почему?

– Эндж сказала, что она говорила о своем «бывшем партнере». *Партнере*, – повторил он, когда Эсси посмотрела на него с недоумением. – То есть она лесбиянка.

– Потому что она использовала слово «партнер»?

Бен пожал плечами, но с поднятой головой и улыбкой, которая означала, что он-то все знает.

Эсси взяла авокадо из вазы с фруктами. Хотя она не признавалась в этом Бену, ей было любопытно. Плезант-Корт был очень правильным. Появление кого-то неженатого и без детей уже интересно. Эсси вспомнила свои дни работы копирайтером в «Архитект Дайджест», где у нее было полно друзей-гомосексуалов, а среди коллег множество людей разных национальностей. Это было похоже на другую жизнь.

– Ну... ну и что? Я не думала, что нас так волнует чья-то сексуальность.

– Мы не знаем, – сказал Бен, поднимая руки. – За исключением... погоди, ты сказала «сексуальность»?

Эсси обняла себя за талию его мускулистой рукой. После восьми лет брака Бен по-прежнему постоянно хотел секса. Эсси винила бы большие физические нагрузки, если бы он не повторял, что всегда был таким. «Если бы я сейчас был ребенком, – любил говорить он, – мне бы поставили диагноз СДВГ и давали риталин. Вместо этого родители каждый день водили меня в парк, чтобы погонять, как собаку». Иногда Эсси казалось, что именно это она и делает с ним в спальне.

– Тебе нужно принять душ, – сказала Эсси.
– Отличная идея. Встретимся там?
Мама Эсси отложила карандаш.
– Ради всего святого! Послушай, Миа, сегодня ты можешь переночевать у бабушки.
У Бена загорелись глаза.
– Барби! Я когда-нибудь говорил, как сильно тебя люблю?
– Если бы ты действительно меня любил, – ответила она в ту же секунду, – то не называл бы меня «Барби».
Бен положил руку на сердце.
– Слово скаута.
Она прищурилась.
– И «Бэбс» тоже. Только не «Бэбби». И не «Ба-Ба».
– Но это же так мило! – возмутился Бен, как только мама вышла с Мией на бедра. Затем он повернулся к Эсси. – Готова принять душ?

В Бене было хорошо то, что его редко хватало больше чем на десять минут («Десять минут с Беном»), и сегодня Эсси провела восемь из них, думая о Полли. Сначала она просто прислушивалась, не проснется ли та, но потом ее мысли переключились на то, что делать, если проснется, а потом на то, почему же все-таки она так часто просыпалась в последние несколько недель.

«Это такой этап», – говорили все. Самое раздражающее из всех предположений. «Такой этап» – это не диагноз и не лечение, а в лучшем случае возможность хоть что-то сказать, когда вы понятия не имеете, в чем проблема. Но Эсси не собиралась оставлять все как есть.

– Я подумала, ты мог бы покормить Полли сегодня ночью, – сказала она Бену, когда он лежал рядом с ней, раскинув руки и тяжело дыша. Она подняла голову и подперла подбородок ладонью. – Нужно дать ей смесь в десять, пока она спит, чтобы продлить сон. И очевидно, это лучше делать папе, потому что иначе ребенок может почувствовать запах материнского молока.

Именно Френ из десятого дома предложила это ночное кормление. У нее была дочь возраста Мии и еще одна на пару месяцев младше Полли, но в отличие от детей Эсси дети Френ *спали* и вообще делали все, что должны делать обычные дети. Таким образом, она казалась как раз тем человеком, у которого надо было просить совета.

Бен уставился на нее.

– Ты действительно говоришь о нашем ребенке? *Сейчас?*

Эсси поморщилась.

– Это неуместно?

– *Абсолютно.*

Эсси положила голову ему на грудь. Полежала так несколько секунд, прежде чем Бен взял ее за подбородок и повернул так, чтобы она смотрела на него. Эсси улыбнулась. Он делал так время от времени. Бывало, они стояли на кухне или гуляли, и вдруг его взгляд становился совсем мягким. Он никогда ничего не говорил, в этом не было необходимости. Глаза говорили сами за себя.

Она провела кончиками пальцев по животу Бена, который, казалось, вот-вот лопнет, и он был голым и гладким, если не считать темной полоски волос, проходившей вниз от пупка. Его сердце тяжело и громко билось. Он бежал трусцой по улице (конечно), когда она увидела его в первый раз. При росте шесть футов пять дюймов его было трудно не заметить. Она уже собиралась проехать мимо, когда загорелся светофор. Эсси была так занята, глядя на Бена, что едва успела остановиться. Машина впереди не остановилась, продолжая на полной скорости выезжать на перекресток. Удар был мощный. Эсси выпрыгнула из машины, как и многие

водители и пешеходы, но именно Бен побежал прямо на столкновение, сняв свою толстовку и прижав ее к ране на голове одного из водителей, чтобы остановить кровь. Эсси присоединилась к нему через несколько мгновений, предлагая свой кардиган, в то время как все остальные стояли в стороне, задыхаясь и перешептываясь. Было так много крови, вспомнила она. И недостаточно одежды.

К тому времени, когда приехала «Скорая помощь», Бен стоял в нижнем белье и кроссовках. Эсси предложила подвезти его домой, так как:

а) он был в нижнем белье, б) он только что спас чью-то жизнь, так что она решила, что вряд ли он серийный убийца. Кроме того, потому что в) она видела его в нижнем белье, и, откровенно говоря, его тело было убедительной причиной, чтобы подвезти его домой.

Тогда у нее тоже было красивое тело, вспомнила она. Стройная, но с изгибами. У нее были каштановые волосы, которым она вечно пыталась придать небрежно взъерошенный вид. Теперь, десять лет спустя, ее каштановые волосы были постоянно собраны в хвост, и вокруг талии улегся запасной жирок, который она, казалось, не могла сбросить. Бен постоянно говорил ей, чтобы она пошла в «Шед» и потренировалась, но всякий раз, когда она находила время для себя, ей хотелось свернуться калачиком и уснуть. И всякий раз, когда она находила минутку, чтобы свернуться калачиком и уснуть... была Полли.

Как по команде, Полли пронзительно закричала.

– Я пойду, – сказал Бен.

После секса Бену всегда казалось, что он супергерой, – он предлагал сделать всё: хоть поделки с детьми, хоть научить Мию кататься на велосипеде. Либо он испытывал благодарность, либо хотел сбросить адреналин. Эсси была счастлива отпустить его к Полли, хотя и не испытывала оптимизма. Он читал ей рассказы, издавал глупые звуки, ходил с ней по комнате. (Он, вероятно, не подумал бы сделать очевидные вещи, например, дать бутылочку или сменить подгузник). Как только он исчерпает свои трюки, то позовет ее. Но, по крайней мере, она сможет закончить готовить ужин, пока он пытается.

– Спасибо, малыш.

Она набросила халат и пошла в кухню, все еще прислушиваясь к Полли. Каждый раз, когда она осмеливалась подумать, что та заснула, она слышала воркование или бульканье. Она уже собиралась пойти к ней, когда раздался стук в дверь.

Эсси перекинула полотенце через плечо и открыла. Она посмотрела на женщину, стоящую у входа. Будучи достаточно высокой, Эсси не часто смотрела на кого-то *снизу* вверх, но эта женщина, должно быть, была ростом около шести футов. У нее были коротко подстриженные темно-каштановые волосы с густой челкой. Кроваво-красная помада, тяжелые очки в черной оправе. Она напомнила Эсси художника или дизайнера по интерьеру.

– Я могу вам помочь?

– Надеюсь, я не помешала, – ответила та. – Меня зовут Изабелль Хизерингтон. Я только что переехала в соседний дом.

– О. – Эсси не смогла скрыть удивление.

Это та самая одинокая, возможно, лесбиянка, которая переехала в соседний дом? Эсси не знала точно, чего ожидала, но точно не этого. Люди из Плезант-Корт выглядели не так. Они носили джинсы или платья в пол. Губная помада была телесных оттенков, а волосы собраны в хвост.

Волосы Эсси начали сесть еще несколько лет назад, и она никак не находила времени сходить в парикмахерскую, чтобы покраситься. Не находила времени уже много лет.

– Извините, я Эсси Уокер.

– Приятно познакомиться, Эсси. Я просто обхожу соседей, знакомлюсь. – Ее голос, как заметила Эсси, был слегка хриплым.

– О... это хорошо. – Эсси глупо улыбалась уже почти минуту, прежде чем поняла, что на ней домашний халат. – О, только посмотрите на меня! Я просто...

– ...отдыхаете вечером в собственном доме? – Изабелль улыбнулась. – Как вы смеете!

Эсси рассмеялась.

– Что ж, извините, что я еще не заглянула к вам. Я собиралась, но у меня двое маленьких детей, и все всегда кувырком.

– Да, я видела ваших малышей сегодня, когда вы сажали их в машину. Они очень милые.

– Надеюсь, я не кричала на них?

– Нет. Вообще-то, вы выглядели как идеальная мать.

Эсси кивнула. Идеальная мать. Как обманчива может быть внешность.

Она прислонилась к дверному косяку.

– Я слышала, вы переехали из Сиднея? По работе?

– Да.

Изабелль не стала вдаваться в подробности. Если бы Бен был здесь, он бы заставил ее рассказать больше – он был ужасным сплетником, – но Эсси решила, что если Изабелль будет жить по соседству, они в конце концов все узнают.

– Моя мама из Сиднея, – сказала Эсси. – Ну, изначально. Мы переехали сюда, когда я была совсем маленькой. К сожалению, я никогда там не была, хотя хотела бы.

Что ты тараторишь, подумала Эсси. *Замолчи. Хватит болтать*. Эсси никогда не отличалась легкостью в общении с новыми людьми и в ведении светской беседы, что постоянно от нее требовалось. Это было неприятно, ведь она хотела иметь друзей. Но у нее не было ни дружелюбия Бена, ни заботы матери, ни какого-то особенного обаяния, что сразу бросалось в глаза. Эсси подозревала, что новые люди находят ее «очень милой» (иначе говоря, скучной), но с тех пор, как она себя помнила, она питала невероятную самовлюбленную веру в то, что в ее личности есть нечто большее, чем видят люди. Что внутри ее живет общительный человек, который пытается выбраться наружу.

– Ну что ж, я продолжу обход, – наконец сказала Изабелль, протягивая Эсси сложенный листок бумаги. – Мой номер, на случай если он вам понадобится. Хотя ночных вечеринок не намечается: я не знаю ни души в Мельбурне, – сказала Изабелль через плечо, поворачиваясь к улице. – К тому же рано ложусь спать.

– Значит, вы в хорошей компании, здесь, в Плезант-Корт! – крикнула Эсси ей вслед. – К десяти часам вечера здесь уже ни одного огонька. И это в канун Нового года!

Эсси заметила, что Изабелль покачивается на ходу. Если окажется, что она не лесбиянка, Эндж будет нервничать. Муж Эндж был красавцем, и она была уверена, что большинство женщин охотятся за ним. Но Эсси не нервничала. Во всяком случае, она была странно взволнована перспективой возможной новой дружбы, не говоря уже о небольшом оживлении в Плезант-Корт. Она закрыла дверь и вернулась на кухню.

Она как раз заканчивала есть салат, когда появился Бен.

– Ну что, разве я не самый лучший муж на свете?

Эсси нахмурилась.

– Почему?

– Полли, – гордо объявил он, – она крепко спит. Давай, назови меня заклинателем младенцев...

Именно тогда Эсси поняла, что произошло чудо. Последние несколько минут она не думала ни о Полли, ни о том, заснула ли она. Она не задавалась вопросом, придется ли ей идти в детскую и проснется ли дочь еще пятнадцать раз за ночь. Она не думала об этом. И о Полли вообще.

Она была слишком занята мыслями об Изабелль Хизерингтон, новой соседке.

3

– Эсси!

Она искала в почтовом ящике новый каталог «Альди», когда услышала голос Эндж, доносившийся с противоположной стороны улицы.

– Доброе утро, Эндж, – сказала она, не поднимая глаз.

Каталог застрял, и Эсси была полна решимости вытащить его, не разорвав. С двумя маленькими детьми дома полистать каталог было одним из немногих удовольствий за день.

– Какие планы на сегодня? – спросила Эндж, стоя уже позади нее. – Я думала, мы могли бы встретиться.

Было всего восемь утра, но жара уже окутывала Эсси. На ней был тот же льняной сарафан, что и все эти дни, она вышла босиком – в такую погоду ноги потели даже в шлепанцах. А на Полли, которая сидела у нее на бедре, был только подгузник.

– Что ты там делаешь? Дай я помогу. – Эндж потянула вниз и резко дернула за каталог. Послышался звук рвущейся бумаги.

Как обычно, Эндж выглядела бодрой и собранной. Ее белокурые волосы уложены как в парикмахерской, одета она была в белые брюки-капри с темно-синим топом. Как ей это удавалось в такую жару? Эсси задумалась. Эндж была накрашена, и выражение ее лица, как обычно, было слегка удивленным благодаря идеальному количеству ботокса.

– Вот, держи, – сказала Эндж, протягивая ей разорванный каталог. – Итак, что ты скажешь? Сегодня днем?

Эсси поправила Полли на бедре и хмуро посмотрела на Эндж. *Встретиться?* Это было необычно. В Плезант-Корт все были дружелюбные, конечно. Заходили друг к другу в гости, чтобы поболтать. В канун Рождества или Нового года угощали друг друга вином, поливали цветы, когда кто-то уезжал в отпуск. Они радостно махали руками, когда встречали друг друга на улице... но они стеснялись просто быть друзьями. Какое-то время Эсси надеялась, что их отношения будут развиваться – особенно ее отношения с Френ, у которой были дети такого же возраста, как у нее, но почти за пять лет этого не случилось. Эсси задумалась вдруг, почему так вышло.

Эндж наклонилась заговорщически.

– Ты уже познакомилась с новой соседкой?

Ах, подумала Эсси. *Так вот в чем дело.*

– Она переехала в соседний дом с твоим, ты же знаешь.

– Да, – ответила Эсси. – Я знаю.

Эсси никогда не переставала удивляться способности Эндж интересоваться вещами, которые ее не касались. Эсси с трудом поспевала за событиями в собственной семье, не говоря уж о том, что там происходит у других. А вот у Эндж, где-то между тридцатью восемью и сорока двумя годами, с двумя сыновьями, мужем и собственным агентством недвижимости, все же оставалось время для жизни других людей. Вообще-то Эсси это казалось утомительным, но сегодня она поймала себя на том, что подражает заговорщическому тону Эндж и говорит:

– Почему бы нам не собраться у меня?

Френ, как оказалось, тоже хотела встретиться, и в тот же день они втроем сидели в жаркой гостиной Эсси, когда Эндж вдруг вскочила со стула.

– А вот и она!

– Кто? – спросила Френ.

– *Соседка.* Похоже, забирает почту.

Эсси подалась вперед в своем кресле, но Эндж загородила окно. Полли, сидевшая у нее на коленях, тоже поднялась, заинтересовавшись.

– А, Изабелль. Она заходила вчера вечером, – сказала Френ.

Она сидела, растянувшись на тахте, а ее шестинедельная дочь Ава лежала у нее на локте. Эндж резко повернула голову.

– Неужели? – прошептала она. – Ко мне тоже заходила!

– Почему мы шепчемся? – удивилась Эсси, но Эндж уже смотрела в окно.

– Красивая, правда? – Эндж откинула голову назад и прищурилась, как будто хотела получше ее рассмотреть. – Правда, челка великовата. Довольно суровый вид.

– Наверное, чтобы скрыть морщины на лбу, – сказала Френ, складывая веер из куска газеты. – Что, должна сказать, весьма практично.

Френ лучшая в практических вопросах. Одевается модно, но сдержанно, туфли носит на плоской подошве. Каждый день красится одной и той же помадой для губ и тушью для ресниц. Волосы всегда собраны в темно-коричневый хвост. На вечеринке в прошлом году она призналась, что покупает один и тот же набор бежевого белья, так что ей никогда не приходится беспокоиться о поиске подходящего комплекта.

К счастью, она не навязывала свои практические советы («Знаешь, как вывести пятна на ковре? Сейчас расскажу»). Самое замечательное во Френ было то, что она никогда не беспокоилась о том, что о ней подумают, а это, по мнению Эсси, было чрезвычайно недооцененным качеством.

– Возможно, – согласилась Эндж. – Она выглядит так, будто ей под сорок. Она к тебе тоже заходила, Эсси?

– Да. Представиться. Это так по-соседски.

Выражение лица Эндж говорило о том, что она в этом не уверена.

– Я не понимаю, – сказала она. – Кто переезжает в Плезант-Корт без детей?

– Ты же *сама* сдала ей дом, – заметила Эсси. – Кроме того, у Ларриттов нет маленьких детей. – Им было чуть за семьдесят. – Как и у моей мамы.

– У Ларриттов были маленькие дети, когда они переехали сюда. И все трое детей ходили в школу в этом районе. А твоя мама стала жить здесь, чтобы быть ближе к тебе!

Эндж бросила на нее взгляд, словно говоривший «понятно?», а затем похлопала по своим белым брюкам, которые почему-то, несмотря на ее «диких мальчиков», были идеально чистыми. Нетрудно понять, почему люди покупают дома у Эндж. У нее все в порядке. Она замужем за чудовищно красивым мужчиной и, кажется, зарабатывает кучу денег на своем бизнесе. Эсси надеялась, что она скрывает какой-то большой недостаток, но когда недавно она зашла к ней, чтобы одолжить складной манеж, то оказалось, что в гараже царит невообразимый порядок. *В гараже!* Эсси была бы счастлива, если бы у нее в кладовке был хоть какой-то порядок.

Несмотря на то что у Эндж были дети, в ее сумочке не было кубиков «Лего», а на полу машины – оберток из «Макдоналдса». В этом была вся Эндж. Она не просто продавала дома. Она продавала жизнь, которую вам хотелось иметь.

– А чем занимается Изабелль? – поинтересовалась Френ. Ава заснула, уютно прижавшись щекой к ее предплечью. – Ты вычитала что-то в ее анкете?

– Очевидно, она работает на некоммерческую организацию, – сказала Эндж. – Мне всегда казалось, что это странный способ описать бизнес – «некоммерческий». Почему бы просто не сказать, что вы *на самом деле* делаете?

– Что за организация? – спросила Френ.

Эндж махнула рукой.

– Ой, я не помню. Они все одинаковые.

До декрета Френ работала в юридической фирме, а еще раньше была штатным юристом в благотворительном фонде «Спасите детей»¹. Ее лицо говорило, что они не все одинаковые. Френ, возможно, собиралась произнести это вслух, но Ава выбрала именно этот момент, чтобы открыть глаза и срыгнуть на белые шорты Френ.

– Вот почему я ношу белое, – сказала она.

Если Эндж воплощала образ жизни, который хотелось вести, то Френ представляла образ человека, которым хотелось быть. Она и ее муж Найджел были интеллектуалами, из тех, что обсуждают темы вроде религии, политики и искусства. По крайней мере, так они поступили на рождественской вечеринке в прошлом году. Бедный Бен был настолько ошарашен, что провел весь вечер, кивая и говоря «Какая интересная мысль» и «Боже, я никогда об этом не задумывался».

– Значит, вчера вечером она обошла всю улицу и представилась, – сказала Эндж.

Френ вытащила пачку детских салфеток из темно-синей стеганой сумки для подгузников.

– Недавно я прочитала статью, в которой говорилось, что люди, знающие своих соседей, на шестьдесят семь процентов реже становятся жертвами преступлений.

Эндж закатила глаза.

– В Сандрингеме нет преступности.

– Ага, а Эмили Линч?

Эмили Линч была ребенком, которого похитили с крыльца ее бабушки в прошлом году. Бабушка вынесла коляску на улицу, потому что в доме было душно, и ей хотелось подышать свежим воздухом.

Она просидела с ней около часа, читая роман, прежде чем пойти в туалет. Потом зазвонил телефон; она отсутствовала максимум десять минут.

Это было восемь месяцев назад. Первоначальный ужас немного улегся после новости о зацепке, которая, правда, так ни к чему и не привела. Теперь время от времени люди упоминали этот случай с мрачными лицами, ведь имя девочки напоминало о том, что может случиться, если не следить за детьми. (*Я никогда не оставляю своих детей на улице одних, ни на секунду*, говорили они. *Помнишь Эмили Линч?*)

– Я считаю, виновата бабушка, – продолжала Френ. – Кто же мог оставить ребенка одного? Неудивительно, что ее похитили.

В комнате воцарилась странная тишина. Эсси опустила глаза, уткнувшись губами в затылок Полли.

Наконец Френ резко вдохнула.

– О, нет, нет... Я не имела в виду...

Все соседи знали, что произошло в тот день, хотя никогда об этом не говорили. Это была одна из тех странных вещей во взрослых отношениях – тот факт, что иногда нужно притворяться. В любом случае Френ была права. Миа *могла быть* похищена в тот же день. Эсси повезло.

– Но Эмили Линч увезли из *Челси*, – быстро сказала Эндж.

– Это в полчаса езды отсюда.

Было уже слишком поздно, все глаза устремились куда-то вдаль. Френ крепко прижала Аву к себе, без необходимости укачивая ее. Эсси наблюдала за двумя маленькими девочками, играющими в углу комнаты.

Взгляд Эндж метался из стороны в сторону, она явно была недовольна переменой настроения. Она хотела бы, чтобы люди в Сандрингеме чувствовали себя в безопасности, а уж в Плезант-Корт особенно. Это был бы минус самой Эндж. Она заерзала, затем в ее глазах зажегся огонек.

¹ «Save the Children» (англ.). – Здесь и далее прим. ред.

– У меня идея! – воскликнула она. – Мы организуем соседский дозор.

4. Френ

Еще до того, как войти внутрь, Френ услышала его. Тихий, настойчивый крик. Она только что совершила короткую пробежку после ужина, но внезапно почувствовала укол стыда, как будто сходила в казино или отправилась на поиски чего-то неважного, хотя должна была заботиться о своем ребенке. Она не помнила, чтобы чувствовала себя так, когда Рози была новорожденной. Возможно, это была еще одна из тех вещей, о которых она забыла, например, насколько они крошечные и насколько сильно можно уставать.

Она распахнула входную дверь. Вентилятор вращался в углу, гоня горячий воздух, что напомнило Френ какой-то фильм об убийстве в маленьком городке. У них был кондиционер, но Найджел не любил им пользоваться – ужасно для окружающей среды, говорил он. (Каждый день, после того как муж уходил на работу, Френ включала его на полную мощность.) Найджел как раз поднимался со стула. Он был все еще в рабочей одежде, но рукава рубашки были закатаны, а щеки покраснелись. Они с Рози сидели перед пазлом из тысячи кусочков, над которым работали уже целую неделю. Френ говорила Найджелу, что для трехлетнего ребенка он слишком сложный, но трудно было спорить, когда Рози была настолько увлечена, что даже не заметила, что Френ дома.

– Сиди, сиди, – сказала она. – Я разберусь с Авой.

– Я и сам не против...

– Все в порядке. Она все равно захочет меня.

Найджел пристально посмотрел на нее. Его густые темные ресницы свернулись под очками («Как у мужчины могут быть такие ресницы? – всегда говорила Эндж, когда видела его. – Это несправедливо и неправильно!») В его глазах был вопрос.

В последние шесть недель Френ почти не подпускала его к Аве, что, пожалуй, было не так уж странно. Кормящие матери обычно держатся поближе к своим детям, и большинство молодых пап благодарны за это.

Но дело было не только в этом, и Найджел это знал. Он вспомнил, как она позволила ему разделить с ней эту ношу, когда Рози была совсем маленькой. (Он не забыл угрозу лишиться секса на год, если он «не возьмет этого ребенка и не уберет его из зоны слышимости хотя бы на час».) Так что он вот-вот должен был спросить, что происходит. Она встретила с ним взглядом и стала ждать. Но он несколько минут смотрел на нее, а потом пожал плечами и опустился обратно в свое кресло.

Не сегодня.

Френ побежала в комнату Авы. Это правда, Ава всегда хочет ее. В конце концов, есть вещи, которые может сделать только Френ. Она точно знает, как ее качать. Она знает, что Аве больше всего нравится спать, уткнувшись головой в мамину грудь. И что поглаживание над переносицей, между бровями, может усыпить ее почти мгновенно. Она могла бы рассказать Найджелу, как это делается, но тогда, конечно, он бы *сам* это сделал. А сейчас было лучше, чтобы все делала она.

Ава была завернута в тонкий муслин, Френ раскрыла ее, перечисляя в уме причины плача: дочь еще не должна была проголодаться, она не мокрая. Френ поднесла ягодицы к носу. И не грязная.

– В чем дело, малышка?

Вариантов, конечно, бесконечное множество. Френ озадачивало, насколько тревожными становятся молодые матери, когда не могут определить, в чем проблема. *Ей не жарко и не холодно, подгузник чистый, она накормлена! Так что тогда?* Да что угодно! Может, у нее болит голова? Может, ей приснился кошмар, или она вспомнила о чем-то, что ей не понравилось. Возможно, ее беспокоит палец на ноге.

– У тебя болит пальчик? – спросила она у Авы, прижимая ее хрупкую головку к изгибу своей шеи. Дочь несколько раз всхлипнула.

– Ш-ш-ш, – прошептала Френ ей на ухо. – Мама здесь.

Она была плохой матерью, вот в чем проблема. О чем она думала, оставив ребенка, чтобы бегать по улицам? Во-первых, врач сказал, что она должна подождать восемь недель, прежде чем возобновить нормальные физические нагрузки, а Аве было всего шесть. Во-вторых, Френ не возобновляла «нормальные» физические нагрузки – в том, что она делала, не было ничего нормального. Каждый день она бегала, пока не начинала гореть грудь, пока ноги не начинали болеть и не покрывались болячками. Это было больно. И она заслужила это.

– Тебе жарко?

Глупый вопрос, потому что жарко всем. Шея Авы была влажной, и от нее сладко пахло потом – особенно за ушком. Френ сняла с девочки ползунки, и та сразу же успокоилась.

В гостиной вскрикнула Роза – очевидно, наконец-то нашла место для кусочка головоломки. Френ представила себе, как она размахивает маленькими кулачками, а Найджел сдержанно улыбается ей и подбадривает. Найджел никогда не сюсюкал и не притворялся, что впечатлен. Он был логичным, прямым и честным. Но у него были и другие качества. Во-первых, он был бесконечно терпелив. Он изучал садики и начальные школы, читал книги о воспитании детей. Он собирал пазлы из тысячи кусочков. И Роза обожала его.

Ава глубоко вздохнула. *Ну вот*, подумала Френ. *Тебе было жарко. Великая тайна раскрыта.* Френ нетуго запеленала дочку, проверила, удобно ли пальчикам ног, и уложила ее обратно в кроватку. Дыхание девочки выровнялось, веки закрылись на три четверти, и Френ ощутила одну из тех мощных волн любви, которые испытывают родители, когда смотрят на своих спящих детей.

Они с Найджелом всегда планировали завести двоих детей с разницей в два года. Поэтому, когда Роза исполнился год и Френ предложила попробовать еще раз, она не ожидала сопротивления.

– Просто... Я не уверен, что это такая уж хорошая идея, – сказал он.

Это было неожиданностью. Найджел, которого знала Френ, не отклонялся от намеченного плана. С другой стороны, он уже несколько месяцев не был тем Найджелом, которого она знала.

– Это послеродовая депрессия, – предположила Эндж. – Мужская. Многие мужчины страдают от нее, когда у них появляются дети. Доходы уменьшаются, а расходы увеличиваются, и им кажется, что у всех вокруг денег больше, чем у них. Плюс жены обычно перестают хотеть секса. Вот и рецепт, как сделать парня несчастным.

– Может быть, – сказала Френ, но у нее было чувство, что это нечто большее, и, как оказалось, она была права.

Найджел потерял большую часть их сбережений в прошлом году в результате неудачной инвестиции. Они не были в отчаянном положении – им не пришлось продавать дом, например, но это отбросило их на добрых десять лет назад с точки зрения финансового положения.

– Ну, что сделано, то сделано. Это не конец света, – ответила Френ, когда он рассказал ей.

Но для Найджела это был именно он. Он потерял веру в себя. Будучи ранней пташкой, начал спать допоздна, а вечером, вернувшись с работы, плюхался на диван и сидел так до ночи. Когда Френ попыталась поговорить с ним об этом, он не захотел говорить – ни о чем. Особенно о том, чтобы завести еще одного ребенка.

Френ поцеловала Аву в лоб и вышла из комнаты. Найджел и Роза оставили свою головоломку и теперь сидели на полу ее спальни, вместе разглядывая детский атлас. Это было любимое чтение Розы перед сном.

– Нужна помощь?

Найджел и Роза подняли глаза так синхронно, что у Френ перехватило дыхание.

– У нас все в порядке, – сказал Найджел.

Очки упали ему на нос, и он поднял их указательным пальцем. Под стеклами его ресницы казались еще длиннее и толще. У Розы ресницы были такие же. Во всем, от серьезных голубых глаз до черных как смоль волос, Розы была дочерью своего отца.

– У нас все в порядке, – повторила Розы.

– Тогда я пойду приму душ.

Френ приняла душ и надела хлопковую ночнушку. Она проверила телефон – там сообщение от Эндж о том, что ей нужна помощь с раздачей листовок для соседского дозора. Уйдя от Эсси, она, должно быть, сразу пошла домой, оформила листовки, а затем немедленно их напечатала. Френ ответила, что поможет. Ведь если она этого не сделает, Эндж даст ей другую работу, а раздача листовок казалась довольно безобидной. Она может делать это даже во время бега.

К тому времени как она вышла из спальни, в доме уже было тихо – Френ услышала жужжание вращающегося вентилятора. Свет в комнате Розы был выключен. Френ заглянула в комнату Авы и с удивлением увидела Найджела, склонившегося над кроватью, его лицо было в нескольких дюймах от лица Авы.

– Что ты делаешь? – спросила она громче, чем хотела.

Найджел поднял голову и нахмурился.

– Целую свою дочь перед сном. – Он вышел из комнаты на цыпочках. – С тобой все в порядке?

Френ задумалась над вопросом. В течение нескольких месяцев она жила с чувством страха в глубине живота, с чувством, что в любой момент весь мир может рухнуть. Обычно это ощущение витало на задворках сознания, откуда она могла убежать, но время от времени страх всплывал на поверхность, где его невозможно было игнорировать. Она почувствовала, как слезы подступили к горлу, что было на нее не похоже.

– Я в порядке, – ответила она.

– Ты уверена?

Через очки глаза Найджела казались большими и все понимающими. Это пугало ее. Но что она могла сказать? *Я должна тебе кое-что рассказать. Кое-что важное. Очень, очень важное.*

– Конечно. – Она плотно закрыла дверь в комнату Авы. – Пошли готовить ужин.

5

– Доброе утро, Френ! – крикнула Изабелль с другой стороны улицы.

Одна из неприятных вещей в Плезант-Корт заключалась в том, что здесь, казалось, живут одни *жаворонки*. Френ тоже вставала рано, но скорее из необходимости, чем по своему выбору, – и уж точно не была этому рада в отличие от своих соседей. Возможность побегать у нее, как у матери двоих детей, была только в шесть утра. Ей казалось, что она в совершенстве овладела искусством избегать непрекращающихся выкриков «Доброе утро!» – глаза вниз, капюшон вверх, наушники в уши. До этого момента.

– Привет, Изабелль, – ответила Френ, не сбавляя темп.

Она подняла руку, глядя прямо перед собой. Изабелль казалась достаточно милой, но было важно с самого начала установить четкие границы. (Найджел любил говорить, что у нее социофобия, но это неправда. Не то чтобы она боялась людей. Она просто не любила их до семи утра.)

– Вы, наверное, жаворонок, – обратилась к ней Изабелль.

Френ перевела взгляд с дороги на Изабелль и обратно, сдерживая желание завопить. Кажется, теперь уже невежливо продолжать пробежку. Можно притвориться, что не услышала или подумала, что Изабелль разговаривает с кем-то другим. Или просто быть грубой соседкой, которая не общается с людьми. Френ решила, что не может смириться с такой ролью.

Самое смешное, что она никогда бы не подумала, что сама Изабелль любит рано вставать. Или что ей нравятся добрососедские беседы. Френ считала ее типичной горожанкой, которая живет в квартире в центре города, ездит на велосипеде, дружит с местными бездомными, а не с соседями, серьезно относится к кофе и ходит в веганские кафе, где платит за то, что думает, что еда полезная. Но возможно, Френ ошибалась.

– Наверное, приходится быть жаворонком, когда есть дети, – сказала Изабелль, подходя. Френ поняла, что молчала слишком долго. – Дел много, а времени мало, так? – Она остановилась перед Френ, опершись локтем на почтовый ящик Ларриттов. На ней было надето что-то модно-небрежное, совсем не в стиле Плезант-Корт. Френ почувствовала себя скованно. – Я не знаю, как вы все успеваете. Вы же юрист, да?

Внезапно Френ все поняла. Изабелль хотела получить бесплатную юридическую консультацию. Наверняка у нее спор по поводу межевания или история с домогательством, а может, сложности с арендой. Казалось, у всех постоянно какие-то юридические проблемы. Люди всегда так смущаются, когда Френ предлагает им обратиться к юристу, специализирующемуся в интересующей их области. («Но ведь *ты же юрист*», – всегда говорят они, сбитые с толку.)

– Я занимаюсь слияниями и поглощениями, – отрезала Френ на полуслове. – Довольно специализированная область. И сейчас я в декрете, поэтому...

– Да, я заметила, что у вас новорожденная. – Изабелль улыбнулась. – Поздравляю. А где же она сейчас?

Френ помолчала. Наверное, дело не в юридической консультации.

– Еще спит. Ее отец дома.

– И ее зовут Ава?

– Э-э... да.

Френ почувствовала себя не в своей тарелке. Было еще слишком рано. Она не могла понять, просто ли она болтала с новой соседкой или была очень мило допрошена. Обычно она гордилась тем, что может сразу понять, чего от нее хотят. Но было 6.10 утра.

– Доброе утро, дамы.

Френ посмотрела на участок Эндж, где на передней лужайке стоял Лукас и запихивал мешок в переполненный мусорный бак.

– Сегодня вы, как я вижу, рано встали, – сказал он.

Френ неопределенно махнула рукой Лукасу, который, казалось, не ждал ответа.

– Ну, я лучше пойду, – сказала она Изабелль, понимая, что в любую минуту Эндж может появиться на улице, чтобы поболтать о соседском дозоре или о чем похуже. Френ повернулась к Лукасу спиной и продолжила пробежку.

– Такое чувство, что каждый раз, когда я вас вижу, вы бежите, – крикнула ей вслед Изабелль. – Это очень впечатляет.

– Ну, – бросила Френ через плечо, – мне нужно сбросить вес после родов, так что...

– Но у вас вообще нет лишнего веса, – сказала Изабелль.

Ее голос был негромким, но он звучал отчетливо в тишине раннего утра. Френ потянулась за наушниками и уже собиралась засунуть их обратно в уши, когда Изабелль добавила:

– На самом деле вообще не похоже, что у вас есть дети.

Депрессия Найджела длилась год. Для Френ это было предательство. Как бы нелепо это ни звучало, она всегда считала Найджела слишком разумным для депрессии. Она предполагала, что если он почувствует себя плохо, то просто пойдет к семейному врачу и займется устранением химического дисбаланса в мозге. Ему дадут список инструкций, которым нужно следовать: принимать антидепрессанты, тренироваться и воздержаться от алкоголя.

Вместо этого на первый план как раз вышел алкоголь.

Найджел никогда особо не пил. В прежние времена он выпивал только один раз в неделю, в пятницу, и это был скорее ритуал, чем потребность. Он приходил домой с работы, открывал пиво с мягким «пш-ш-ш» и садился в кресло. Часто он даже не допивал банку.

Сначала он просто стал чаще выпивать. Его пятничное пиво превратилось в пиво *на каждый вечер*. Потом перешел на виски. Затем вино, если оно было в доме. Каждый вечер он сидел в своем кресле с семи до полуночи, поднимаясь только затем, чтобы дойти до холодильника.

Он растолстел. Прилично растолстел. Несмотря на то что Найджел никогда не был любителем спорта, он всегда заботился о своем здоровье... а тут вдруг перестал. Он пристрастился к дешевой студенческой еде – лапше быстрого приготовления, чипсам, макаронам с сыром. Его живот стал твердым и круглым, и он словно кричал: «Смотрите все сюда! Сердечный приступ на подходе». Любые попытки вернуть его к здоровому питанию воспринимались враждебно. Это было так же неожиданно, как и удивительно. Внезапно Френ почувствовала, что живет с незнакомцем.

Он стал плохо спать. Иногда так уставал, что ложился спать в семь вечера, оставляя ее одну кормить и укладывать Розы. Однажды она проснулась в три часа ночи и увидела, что он сидит на краю кровати, раскачиваясь и ударя кулаком по подушке. Когда она спросила его, что случилось, он тут же лег обратно, бормоча что-то невнятное о судороге.

Френ умоляла его сходить к психологу, начать принимать лекарства. Она изучила терапию для мужчин, которые страдали от выгорания. Она пересылала ему статьи о тех, кто прошел через депрессию и справился. Но его ничего не интересовало.

В конце концов она забрала Розы и на неделю поселилась в гостинице, надеясь, что это встряхнет его и он наконец возьмет под контроль свою жизнь. В течение нескольких дней Найджел вел себя наилучшим образом. Потом все началось снова.

Френ начала беспокоиться о том, что он может сделать, если не выйдет из депрессии. И о том, что может сделать *она*. Он находился в этом состоянии уже год – что, если что-то толкнет его на край? У Розы не будет отца. У нее не будет мужа.

Именно тогда она сказала ему, что снова беременна.

6

– Я люблю тебя, папочка.

Френ чистила зубы, когда услышала это. Найджел и Рози были в спальне Рози. Они уже почистили зубы, прочитали сказку, и теперь она укладывалась спать.

Френ подошла к двери ванной и прислушалась.

– Я тоже люблю тебя, Рози. Спокойной ночи.

Она улыбнулась. Эти слова произносились не машинально. Папа с дочкой разговаривали о фактах, даже перед сном: столица какой-нибудь страны, количество костей в теле человека, идея Рози для очередного изобретения. Даже этот обмен репликами, Френ понимала, был очень деловым. Они не говорили такие глупости, как «я люблю тебя до луны и обратно», и не спорили, кто кого больше любит. Кто угодно, только не Найджел с Рози. Френ поражала мысль, что их вторая дочь могла быть совершенно не похожа на отца. Вдруг ей будут нравиться Барби, феи и прочая ерунда. Но Рози идеально подходила ему.

А Ава?

Через пару минут Френ услышала щелчок выключателя. Она почувствовала дрожь в груди, где-то в глубине. Это постоянно происходило с ней в последнее время. Возможно, обычное тревожное расстройство. Или это что-то другое?

Утренний разговор с Изабель мучил Френ весь день. («Я заметила, что у вас новорожденная. И ее зовут Ава?») Что это было? Френ сомневалась, что, будучи одинокой и бездетной, она вообще может заметить чужого новорожденного. А если бы и заметила, то не стала бы говорить об этом. Как и большинство нормальных людей, она очень боялась, что ее обвинят в преследовании. И сам собой напрашивался вопрос... почему Изабель не испытывала такого страха?

Френ умылась, намазала лицо кремом и пошла по коридору. Рози лежала на боку в постели, прижимая к себе телескоп, который Найджел привез из Китая, когда был там в командировке, словно мягкую игрушку. Она пересекла холл и заглянула в комнату Авы. Ее голова двигалась взад и вперед, как будто она была на грани пробуждения, но затем она издала громкий дрожащий вздох и снова уснула.

Мальшика.

Френ гадала, какими бы они были без Авы. Был бы Найджел все еще в депрессии? А она? Без сомнения, она двигалась в этом направлении, прежде чем объявить о своей беременности. Ничего, что она пыталась сделать, не работало, и... похоже, ему было все равно. Если бы не случилось ничего, что сломало бы этот заколдованный круг, кто знает, что бы было с ними теперь. Ава спасла их. И еще сломала их.

Когда она добралась до спальни, Найджел уже лежал в постели. Он сбросил с себя одеяло, прикрывшись только простыней. Было слишком жарко, чтобы спать под чем-то еще. Он нахмурился, глядя на стену, где висела фотография их двоих и Рози.

– Нам нужно сделать несколько новых семейных портретов, – сказал он, поправляя очки на носу. – С Авой.

Френ посмотрела на него.

Прежде чем у них родились дети, Найджел до смерти боялся фотосессий. «Фотографии врут», – говорил он. По его мнению, эта пропаганда образа счастья, которого на самом деле не существует. Фальшивый смех над глупой шуткой фотографа, замечание ребенку, который отказывается смотреть в камеру, взятка в виде мороженого после. Все это ложь. Они пошли на первую фотосессию только потому, что Эндж и Лукас подарили им ее в честь рождения Рози. Френ взглянула на фото. Лукас сделал его, когда Рози было две или три недели. Они сидели в парке рядом с его фотостудией, уютно устроившись рядом с кучей листьев. Френ долго думала,

во что одеть Розы, но за минуту до того как была сделана фотография, она испортила наряд неожиданной кашкой, которая растеклась по ее спине до самой шеи. На фотографии Найджел держит новорожденную Розу как можно дальше от себя, а Френ лежит в листьях и смеется. Лукас прекрасно запечатлел тот момент. Это был блестящий кадр. Именно этот снимок изменил ее собственное мнение о профессиональных семейных фотографиях. И поэтому она сказала: «Конечно. Почему бы и нет?»

Френ советовалась с Найджелом по поводу всего. Она очень гордилась тем, что они команда.

На первом свидании Найджел пригласил ее на барную викторину в Южном Мельбурне. Френ решила не говорить ему заранее о своих блестящих навыках, а показать себя во время игры, но ее опыт побледнел по сравнению со знаниями Найджела.

– Четыре страны в Африке, которые начинаются с «б»? – выкрикнул ведущий.

– Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо и Бурунди, – тут же ответил Найджел.

– Назовите две буквы, которых нет в периодической таблице.

– J и Q, – сказал он без промедления, – хотя Q иногда используется в качестве временного обозначения для искусственно созданных сверхтяжелых элементов, пока не будет принято подходящее название.

– Какая самая распространенная группа крови?

– Первая! – воскликнула Френ, отчаянно пытаясь дать ответ раньше Найджела. – У многих первая группа.

– На самом деле чаще всего встречается первая положительная, – возразил Найджел. – Отрицательный резус довольно редкий.

– Неужели? – сказала Френ. – У меня отрицательный.

– И у меня.

Они улыбнулись друг другу.

– А ведь минус на минус дает плюс.

Она хотела просто пошутить, но бровь Найджела поползла вверх. «Ну, не всегда. Например, минус десять плюс минус десять будет минус двадцать, не так ли?»

Именно в тот момент она и влюбилась в него.

К концу ночи Френ пришлось физически сдерживаться от желания прыгнуть на него. Интеллект, как она всегда думала, самый мощный афродизиак. А умники всегда готовы вас удивить.

Теперь она снова изучала его. У него в руках не было ни книги, ни телефона. Он смотрел на нее таким знакомым взглядом. Ее сердцебиение немного ускорилось.

Это было давно.

Пока Найджел был в депрессии, он почти полностью потерял интерес к сексу. Все стало настолько плохо, что Френ даже купила книгу под названием «Как зажечь искру в вашем браке» и начала пробовать всякие новые штуки, вроде явиться в его офис без предупреждения и объявить, что она забронировала номер в отеле, или присоединиться к нему в душе, пока Розы смотрит мультики. Найджел, как правило, поддавался, но всегда неохотно, и то только когда Френ брала все в свои руки. Она не могла вспомнить, когда он в последний раз так смотрел на нее.

Он подполз к ней через кровать и поцеловал. Ее колени ослабли. Это было так приятно – прижиматься к нему. И они уже много лет так не целовались. Она притянула его к себе.

Но что-то внутри ее треснуло.

– В чем дело, Френ? – Сказал он, отстраняясь. – Ты плачешь.

Она вытерла лицо.

– Неужели? Прости.

– Ты сама не своя. – Он сел. – Скажи мне, что происходит. Пожалуйста. Может быть, я смогу помочь.

На его лице появилось неподдельное беспокойство. Найджел всегда был человеком, к которому она могла обратиться, когда все плохо. Он всегда был так спокоен и мог четко сформулировать план действий. Она всегда находила в нем огромное утешение в трудные времена.

Френ почувствовала, как потекли слезы.

В этом и проблема, подумала она. Ты не можешь.

7. Эндж

Когда Лукас придет в спальню, Эндж собиралась заняться с ним сексом. Она лежала и слушала, как он гремит на кухне, прокручивая в голове любовные мысли. Нет ничего сексуальнее мужчины, который моет посуду. В первый раз, когда они с Лукасом устроили совместный ужин, Эндж счастливо рухнула в постель в конце ночи, совершенно пьяная, оставив всю посуду и кастрюли на стойке, а полупустые бокалы на обеденном столе. (Эндж любила, чтобы все было в полном порядке, когда приходили гости, но как только они уходили, она могла с радостью забыть о беспорядке до утра.) Но на следующее утро, когда она проснулась и вышла в гостиную выпить кофе, то обнаружила, что комната сверкает чистотой.

– Мне нравится заниматься уборкой, – сказал Лукас. – Это помогает расслабиться в конце дня.

Именно в тот момент она поняла, что выйдет за него замуж.

Эндж перекадилась на бок. Она была голая из-за жары. Кроме того, несколько ночей назад поверх белья она надела пояс с чулками, но рано утром проснулась и увидела, что Лукас храпит рядом, а сложная конструкция все еще застегнута. Видимо, после сорока пропасть между страстью и желанием поспать неуклонно сокращается. Но сегодня она была полна решимости. Они собирались заняться сексом, и не обычным, а безудержным. Она будет той женой, о которой мечтает каждый мужчина... если удастся не заснуть.

Самое смешное, что Лукас, вероятно, не возражал бы против обычного секса. У него была странная привязанность к обыденным вещам. Он менял лампочки в тот момент, когда они переговарились, записывал важные события в календарь, чтобы ничего не забыть, следил, чтобы в доме были батарейки. Эндж понимала, что без Лукаса у них будет бардак. Иногда ей даже было стыдно от мысли о том, что произойдет, если он неожиданно умрет. Она представила себе, как идет к ящику с батарейками, а он оказывается пустым, и она, всхлипывая, сползает по кухонной стене. Вечером дети найдут ее на кухне, кричащей: «Батарейки! В ящике нет батареек!»

Теперь она слышала, как Лукас что-то моет на кухне. Она хотела, чтобы он поторопился. *Давай же, Лукас!* Ее веки начали опускаться. Два бокала вина за ужином не помогли. Это так утомительно – быть взрослой.

Эндж подумала, спят ли Уилл и Олли. Наверное, да, но может быть, они нашли айпад и смотрят, как совершенно незнакомые люди проходят игры. Она не понимала этого. Какой смысл смотреть, как кто-то другой играет в видеоигру! («Все мальчишки такое любят», – ответил ей Лукас, когда она сказала ему, что это глупо. «Мальчишки!» Она любила своих сыновей, но у нее было много вопросов к Y-хромосоме. Иногда она так сильно хотела дочь!)

Эндж села. Через окно она увидела, что на улице горят несколько окон. Френ и Эсси, вероятно, сейчас занимаются сексом со своими мужьями, решила она. Мускулистый муж Эсси, наверное, двигается, как гимнаст из цирка «Дю солей», а Френ и Найджел настолько добропорядочны, что секс у них должен быть каким-нибудь извращенным. (Конечно, они смущались, когда Эндж спрашивала их о сексуальной жизни, но это только доказывает ее предположение. В тихом омуте, как говорится...)

У Изабелль тоже горел свет. Что она там задумала? Эндж раздражало, что у нее даже не было версий. Когда она показывала ей старый дом миссис Харрап, Изабелль упомянула о каком-то экс-партнере, и это было очень красноречиво. Если бы это был мужчина, наверняка она сказала бы «бывший парень» или «бывший муж». Добавим к этому тот факт, что она не замужем и без детей в сорок лет, и все становится ясно. Не то чтобы Эндж было важно, лесбиянка, бисексуалка или что там еще входит в ЛГБТ, но ей нравилось владеть ситуацией. Было

бы неловко спросить, есть ли у нее парень, например, если она интересуется женщинами. А если ей нравятся мужчины, то Эндж могла бы свести ее с некоторыми одиночками из офиса.

В какой-то момент Эндж назначила себя идейным вдохновителем Плезант-Корт, решив сделать ее самой желанной улицей в Бейсайде, если не во всем Мельбурне. Она проделала хорошую работу. Тут есть семьи с маленькими детьми, одна бабушка, пожилая пара, один бывший врач. Ее собственная семья, конечно, – счастливая семья из четырех человек живет в самом красивом бунгало, которое стоит на небольшом холме, так что все остальные дома на улице как будто отдают ему дань уважения. Если свернуть направо в конце улицы, то через две минуты окажешься на пляже, а если повернуть налево, то увидишь Сандрингем-Виллидж, миниатюрное скопление кафе и магазинов. Там находится и парикмахерская «АМОС», единственная в Мельбурне, которой Эндж доверяет свои платиновые локоны. Да, Плезант-Корт оправдывает свое название². Здесь устраивают рождественские вечеринки и уличные праздники. Дети катаются на велосипедах и скейтбордах прямо по улице. Скоро у них будет соседский дозор. Нигде нет и повода для скандала. Всякий раз, когда Эндж публикует фотографии улицы в Инстаграме, она ставит хештеги #плезанткорт #тамгдевсехорошо. Но Изабель Хизерингтон – неизвестная величина. И это раздражает Эндж.

Она зевнула. Прислушалась – Лукас не лязгает кастрюлями и сковородками, не складывает посуду в машину. Он говорит по телефону, поняла она. Его голос тихий и настойчивый.

Эндж перевернулась на другой бок и выключила свет. Сон уже овладевал ею, звал, как сирена, и вдруг она с радостью откликнулась на этот зов. *Все гораздо лучше видно издали*, подумала Эндж, проваливаясь в дремоту. *Большое видится на расстоянии*.

² Pleasant – «приятный» (англ.).

8

– Посмотри на *меня-я-я-я-я-я-я-я-я!*

Эндж наблюдала, как Олли катается на скейтборде – взглядом, но не в мыслях. Она прильнула к низкому кирпичному забору, который был еще теплым от дневной жары. Воздух липкий и солоно-сладкий, смесь океана и мороженого, и стрекот цикад пронзает вечерний воздух. Процессия из детей, взрослых и людей с собаками тянется вниз по улице к пляжу, следуя за персиковым закатом. Обычно в такие вечера, как этот, она, Лукас и мальчики тоже идут на берег и вместе купаются до темноты, но Олли приставал к ней, чтобы она посмотрела, как он выполняет трюки на скейтборде, и у нее кончились отговорки.

– Смотри! – закричал он, пытаясь сделать вращательное движение в воздухе.

Сын, по ее скромному мнению, был слишком сосредоточен на том, смотрит ли она, и недостаточно на том, чтобы благополучно приземлиться.

– Фантастика! – Эндж подавила зевок. – Потрясающе!

– Ты это видела? У меня *получилось!*

– Это точно. У тебя замечательно получается.

Эндж подавила желание проверить айфон, который лежал в кармане сарафана. Иногда она думала, что у нее зависимость. С каждой минутой без телефона она чувствовала себя все более неудобно. Разве не так бывает с наркоманами, когда их лишают наркотика? А потом, когда она наконец-то добиралась до него, – полная эйфория. Семнадцать сообщений. Пять новых комментариев в Инстаграме. Двадцать семь новых лайков на Фейсбуке. Нирвана. Она получила дозу.

Иногда на работе Эндж даже обедала в машине, чтобы спокойно посидеть в телефоне, не опасаясь, что кто-нибудь ей помешает. Час наедине с телефоном успокаивал ее так же, как холодный бокал пино гри. Но не сейчас, напомнила она себе, слегка встряхнувшись. Сейчас она смотрит, как Олли пытается покончить с собой с помощью маленькой доски с колесами. Так поступает любая хорошая мать.

– Не возражаешь, если я присоединюсь, Эндж?

Это была Изабелль. Судя по всему, она собиралась *поболтать*. Не то чтобы Эндж не хотелось. Просто в Плезант-Корт люди в основном приветственно махали друг другу руками, а не говорили.

– Мне нужно подышать свежим воздухом, – сказала Изабелль. На ней были белая майка и длинная черная юбка в красных цветках. Грудь и шея блестели от пота. – Дома жарко, как в печке. Не знаю, как я буду спать!

– О. Что ж... у нас в Мельбурне каждое лето ненадолго приходит жара, – сказала Эндж. – Не похоже на Сидней.

– Слава богу. Я очень тоскую по смене сезонов.

– Это ты получишь, – сказала Эндж. – Может, даже завтра.

Изабелль тоже облокотилась на забор и задрала юбку до колен. Ее ноги были гладкими и кремово-белыми. Эндж постоянно натиралась автозагаром, чтобы скрыть такую бледность, но на Изабелль это выглядело экзотично, как будто она из другого века.

Олли пронесся мимо, спрыгнул с доски и опять на нее приземлился (скорее удачно, чем умело). Изабелль вскрикнула.

– Вау, – закричала она. – Вот это да, Олли!

Олли оглянулся и выпятил грудь от неожиданной похвалы.

Олли. Эндж. Изабелль определенно нравилось называть людей по имени. Эндж сама была из тех, кто использует имена, – на работе, конечно, – но она всегда с подозрением отно-

силась к тем, кто поступал так же. Ей нужно было создать ложное ощущение дружбы, чтобы поскорее продать дом. А зачем это делала Изабель?

– Скажи, что привело тебя в Мельбурн? Только работа?

Возможно, Эндж просто показалось, но спина Изабель вдруг выпрямилась.

– Да. По большей части.

Эндж передернуло от этой фразы. «По большей части»? Значит, есть еще что-то?

– Давай назовем это так... личный проект.

– Звучит интригующе. – Эндж коснулась Изабель локтем, как будто они были близкими подругами. – И как его зовут? Или... ее?

Машина мистера Ларритга выехала на улицу и просигналила в самый неподходящий момент.

– Олли, уйди с дороги.

Она не сводила глаз с Изабель, пытаясь придумать, как бы ненароком вернуться к этой теме.

– Он похож на своего отца? – спросила Изабель, прежде чем Эндж успела заговорить. – Я имею в виду Олли.

– Он не похож ни на одного из нас. Наверное, на кого-то из наших родственников. Ты лучше расскажи мне побольше о...

Прежде чем Эндж успела договорить, она услышала глухой удар, сопровождаемый тошнотворным треском кости. Когда она повернула голову на звук, Олли уже лежал на земле. Прежде чем она успела сообразить, что делать, Изабель уже бежала к нему.

9

В приемном покое Олли спал, положив голову Эндж на колени. Это придавало ей вид заботливой, равнодушной матери – что было прекрасно, хотя и совершенно неверно. На самом деле она очень сердилась на сына.

Ему вкололи морфин, и он спокойно заснул, растянувшись на трех сиденьях. *Вот бы ей тоже* немного морфина. Вместо этого она прикована к липкому сиденью своим восьмилетним ребенком, не имея возможности двигаться и даже дотянуться до телефона.

Олли издал долгий сонный вздох. Эндж, конечно, знала, что ей повезло. Все могло бы пойти совсем по-другому. Она вспомнила ту долю секунды после того, как услышала хруст костей. Ледяной, парализующий страх. К тому времени как она заставила свои ноги двигаться, Изабель уже была рядом с ним, аккуратно оценивая его травмы, и говорила низким успокаивающим голосом. *Голосом матери*, вспомнила Эндж.

Слава богу, мистер Ларритт успел вовремя затормозить, но Олли запаниковал и приземлился всем своим весом на запястье. Без сомнения, оно было сломано, и довольно сильно – но так как его жизни ничто не угрожало, мысли Эндж немедленно переключились на практические вопросы. В первую очередь нужно найти кого-нибудь, кто присмотрит за Уиллом (она вызвала няню, так как не хотела беспокоить никого из соседей). Она знала, что им, скорее всего, придется ждать в приемном покое несколько часов, прежде чем ему наложат гипс. Придется заполнять всякие бумаги, идти в аптеку за обезболивающими. Лукас приехал для моральной поддержки, но сейчас его, конечно, нигде не было видно.

У Лукаса была привычка исчезать. Иногда Эндж казалось, что она вышла замуж за пожилого человека с болезнью Альцгеймера, если судить по тому, как часто ей приходилось его искать. В любую минуту он мог вернуться с каким-нибудь новым знакомым, который, например... чистил апельсины во фреш-баре. В таких случаях Лукас всегда был искренне увлечен. («Она чистит апельсины! Бьюсь об заклад, ты никогда не думала о том, кто это делает, не так ли? Ты просто пила свой сок и даже не задумывалась об этом!»)

Лукас находил всех и вся удивительными. Именно так они и познакомились в местном кафе. («Вы агент по недвижимости? У вас свой бизнес! Эй, парень с газетой, ты слышал? Она – агент по недвижимости!») Эндж была очарована. А кто бы не был? Привлекательный мужчина, который назвал *ее* удивительной! К сожалению, это качество с годами стиралось – впечатлить его было уже не так легко.

Эндж посмотрела на настенные часы. Они приехали полтора часа назад, и каждая минута с тех пор тянулась вечно. Эндж нечасто попадала в приемный покой, но каждый раз ей хотелось, чтобы ее болезнь (или чаще болезнь ребенка) была чуть похуже. Конечно, не опасной для жизни. Но достаточно серьезной, чтобы их побыстрее приняли. (Боль в грудной клетке, по видимому, была таким симптомом. Если сказать, что болит грудь, пропустят без очереди.)

«У восьмилетних детей вообще случаются сердечные приступы?» – подумала она. Через десять минут Лукас наконец появился с пакетом чипсов и бутылкой воды. Он подмигнул ей, и Эндж облегченно вздохнула. У нее затекли ноги, и она ужасно хотела в туалет. Олли был настолько одурманен, что, вероятно, даже не заметил бы, если бы она выскользнула из-под него и дала Лукасу сесть на ее место. (Могло бы получиться отличное фото для Инстаграма. Она бы поставила хештеги #папаисын, #сломаннаярука, #мальчикитакималычки). Но когда Лукас приблизился, симпатичная женщина лет тридцати с небольшим с белокурым малышом на коленях помахала ему рукой. Он остановился. *Ради всего святого*. Эндж нетерпеливо махнула ему рукой, и он снова прибавил скорость.

– Где ты был? Я сейчас описаюсь!

– Прости. Я просто...

– Неважно. Просто... поменяйся со мной местами, хорошо?

Но прежде чем Эндж успела встать, за спиной Лукаса появилась та женщина с малышом на руках. Ребенок был одет в синий костюмчик, белокурые волосы свисали до плеч. Мать, вероятно, была одной из тех хиппи, которые хотели растить детей без «гендерной идентификации».

– Лукас, – сказала женщина, нахмурившись. – Это ты?

Лукас обернулся. Секунду он молчал. И тут...

– Эрин. Как поживаешь?

Она показала на ногу ребенка, обмотанную зеленой повязкой.

– Что случилось? – спросил Лукас.

– Чарли обожгла ногу в ванной. Она повернула горячий кран, когда мамочка отвернулась.

– Ого... – пробормотала Эндж.

Значит, это девочка. С именем мальчика. Как оригинально.

Лукас обернулся к Эндж, возможно, просто вспомнив, что она все еще здесь. Она сидела под Олли, поддерживая его на удивление тяжелую голову двумя руками, пока он дремал, ничего не замечая. Эндж хотела сказать Эрин, что ей очень жаль слышать о ноге ее бесполого ребенка, но у них в семье своя чрезвычайная ситуация, так что будет лучше, если они поболтают в другой раз. Но конечно, это было бы невежливо.

– Эндж, – сказал Лукас, – это Эрин, моя клиентка. Я недавно фотографировал Чарли. Эрин, это моя жена Эндж.

Эрин окинула взглядом Эндж и изо всех сил постаралась улыбнуться. Эндж знала, что многие оказываются разочарованы, узнав о ее существовании. Лукас умел влюблять в себя людей благодаря искреннему интересу к ним, не говоря уже о привлекательности. Как она могла винить Эрин за неприязнь к ней?

Эндж посмотрела на сонного ребенка, который начал засыпать в объятиях Эрин. Это была чудесная малышка. У нее были очень красивые нефритово-зеленые глаза. У Эндж возникло странное ощущение дежавю.

– Чарли выглядит усталой, – сказала она.

– Да, – сказала Эрин. – Я лучше отвезу ее домой.

Хорошо, подумала Эндж. Голова Олли тяжелела, а ее мочевой пузырь был уже опасно переполнен.

– Тебе нужна помощь с машиной? – спросил Лукас.

Эндж удержалась, чтобы не выругаться.

Эрин поправила ребенка на руках. *Скажи «нет»*, мысленно приказала ей Эндж. *Просто, мать твою, скажи «нет»*.

– Вообще-то, это было бы здорово.

У Эрин маленькая сумочка и легкий ребенок – с чем, черт возьми, ей нужна помощь? Или она думала, что, получив разрешение подержать ее сумку, Лукас забудет о существовании своей жены и влюбится в нее?

Эндж привыкла к тому, что люди обожают ее мужа, но это не значит, что ей это нравится. Во-первых, это оскорбительно для Лукаса – его личность больше, чем внешность. Лукас добрый, смелый, спокойный. Когда мальчики в сто пятьдесят седьмой раз просят на завтрак мороженое и она готова придушить их, Лукас просит перечислить дела на день, а затем подсчитывает, хватит ли сахара и жира, чтобы все осуществить. (Звучит смешно, но дети всегда ведутся на это. Возможно, дело в том, что он с ними заодно, а не читает нотации.)

В нем была творческая жилка, столь необходимая их семье. Если бы планы на выходные определяла Эндж, они бы просто таскали детей с одного занятия на другое, а потом сидели бы на диване. Но Лукас этого не терпит. Каждые выходные у них было семейное приключение. На пляже, за городом. Даже просто в парке. (Одно из любимых приключений Эндж случилось один раз, когда дети были еще малышами, и они пошли в парк без игрушек, без гаджетов и

даже не на детскую площадку. Несколько часов они просто шли за детьми, собирая палки, камни и снимая кору с деревьев. Эндж ни за что в жизни не согласилась бы на это, если бы Лукас ее не уговорил. И да, она согласилась, и да, это было круто.

Высокий, широкоплечий, с золотистой кожей, в свои сорок три года он все еще восторженно вертел головой в поисках чего-нибудь интересного. Он был в хорошей форме (регулярно тренировался с Беном Уокером в «Шед»), носил футболки с V-образным вырезом и джинсы, а не рубашки на пуговицах с короткими рукавами и хлопчатобумажные брюки, которые носит большинство мужчин его возраста. Его песочные волосы только начинали седеть, что делало его еще более привлекательным.

Конечно, Эндж и сама была недурна – она заботилась об этом: регулярно занималась пилатесом, ходила к парикмахеру и косметологу. Она не собиралась быть старомодной женой великолепного мужчины. Недавно начала колоть «детский ботокс» – доза чуть меньше, чем обычная, чтобы сгладить морщины, но все же не менять естественное движение лица. Эндж решила, что если она будет хорошо выглядеть дома, то Лукасу не придется смотреть налево.

Сейчас она наблюдала, как он ведет эту странную женщину к выходу. Он нес ее сумку (которая, как теперь она увидела, похожа на ту, что прилагается к коляске), а Эрин держала ребенка. Когда они подошли к дверям, в помещение ворвалась каталка, окруженная четырьмя фельдшерами, и Лукас коснулся руки Эрин. Они оба отступили в сторону. Его рука оставалась на ее руке в течение нескольких секунд, пока не освободился проход.

– Оливер Фенуэй?

Эндж огляделась по сторонам. Женщина в зеленом халате и таких же бахилах поверх туфель посмотрела в свой планшет и снова оглядела приемное отделение.

– Оливер Фенуэй?

– Мы здесь!

Ей все еще жутко хотелось в туалет.

Она похлопала Олли по плечу. Он открыл глаза и тут же снова их закрыл. С третьей попытки ей удалось поставить его на ноги и подвести к доктору. Прежде чем войти в отделение, она оглянулась на двери, ведущие на парковку. Лукаса нигде не было видно.

10. Барбара

Барбара еще долго гладила Мию, пока та не заснула. Малышка крепко-накрепко вцепилась в ее мизинец. Барбара была совершенно бессильна сказать ей «нет», хотела ли девочка еще одну сказку на ночь или еще одно печенье. Несколько месяцев назад за ужином Барбара спросила Эсси и Бена: «Сколько примерно вы хлопаете Мию по спинке, когда укладываете?» Оба покатались со смеху.

– Хлопаем по спинке? – Эсси хохотала. – Дай подумать... что ж... примерно ноль минут.

– Это что-то типично бабушкино, – усмехнулся Бен.

Барбара знала, что у детей есть талант находить слабое звено, каким и являются бабушки. Несмотря ни на что, всякий раз, когда внучки оставались на ночь у нее, она гладила их, пока не начинали болеть запястья – ей все равно больше нечего было делать.

Одна вещь, которую вы не поймете, пока не станете бабушкой или дедушкой, заключается в том, что маленькие дети – это крошечные проблески света в ужасно сложном мире. Конечно, их надо воспитывать в строгости, но еще нужно просто уметь им радоваться. Родители в наше время так много работают, что часто не находят времени наслаждаться своими детьми, но это понимают только бабушки и дедушки. Как говорится, дни долги, а годы коротки. Для Барбары короткими были и дни, и она была очень счастлива проводить их, глядя своих внучек перед сном.

Когда Миа засопела, Барбара подошла к кроватке Полли и посмотрела на нее сверху. Она завернула ее в белую хлопчатобумажную пеленку, но ручки Полли освободились и теперь были вытянуты по обе стороны головы, как будто она тянется за чем-то. Милое дитя. Во многих отношениях она была полной противоположностью Мие. Пухленькая, а Миа миниатюрная; темноволосая, а Миа рыжая; карие глаза, а у Мии голубые. И – слава богу – с ней было легко, а с Мией – сложновато.

Барбара протянула руку и убрала влажный локон со лба Полли. Эсси так быстро и легко привязалась к Полли. Поначалу она даже отказывалась от предложений Барбары посидеть с ней, потому что просто не могла от нее оторваться. Это было здорово, но Барбара волновалась, что скоро она перегорит. Барбара понимала, что Эсси пытается всем доказать, что на этот раз она справится.

– Но ты не должна делать все одна. – Барбара лучше, чем кто-либо другой, знала, как трудно делать все в одиночку. Отец Эсси сбежал, когда Барбара еще была беременна. Он обещал обеспечить их всем необходимым – финансовой поддержкой, участием в жизни ребенка, – но, конечно, ничего из этого не сделал, и Барбара была вынуждена переехать в Мельбурн. Двоюродная бабушка Эстер, которая там жила, была единственной родственницей, пусть и не близкой. Так что, да, она знала, каково это. И она была полна решимости уберечь свою дочь от такого опыта.

Эсси провела две недели в психиатрическом отделении больницы в Саммит-Оукс после того, как оставила Мию на площадке. Она вернулась домой с визиткой психолога в кармане и рецептом на антидепрессант, и от нее ждали, что она будет просто жить дальше. По мнению Барбары, этого было недостаточно.

– Ты всегда волнуешься, – сказала ей Эсси.

– Я твоя мать, – ответила она. – Это моя работа.

Но Эсси, возможно, была права. Теперь, когда Эсси *сама* просила ее чаще нянчиться с детьми, Барбара по-прежнему волновалась. Назовем это материнским инстинктом, но в последние несколько недель Эсси казалась немного... отвлеченной. Барбара надеялась, что это не начало очередного эпизода.

Она вышла из комнаты для гостей, оставив дверь приоткрытой, и приготовила себе чашку чая. В последнее время она старалась пить поменьше чая и побольше воды, но у нее было чувство, что она болеет, и ей нужно было согреться.

– Пей этот чертов чай, – сказала ей подруга Лоис, когда они недавно обсуждали этот вопрос. – В наши дни все постоянно себя чего-то лишают. Ни сахара, ни глютен, ни молочных продуктов! Ради бога, что может быть естественнее молочных продуктов?

Поэтому Барбара заварила чай, а потом надела очки, чтобы проверить оповещения в телефоне. Лоис прислала сообщение – картинку с двумя людьми и маленьким человечком между ними. Барбара прищурилась. Что, черт возьми, это должно значить?

Барбара терпеть не могла переписываться. Она предпочитала разговаривать с людьми по телефону, но когда говорила об этом, это звучало так старомодно, что она притворялась, что ей нравятся сообщения.

Она терпела сообщения от Эсси и Бена, но почему Лоис это делает? Она набрала ее номер. Это был ее протест.

– Ты получила мое сообщение? – спросила Лоис, даже не поздоровавшись.

– Да, но понятия не имею, что оно значит.

– У Терезы будет ребенок!

– О! Ло, это просто фантастика. Поздравляю вас всех.

Барбара почувствовала такую радость, которая не соответствовала ситуации, – Тереза даже не была ее родственницей. Но новорожденных Барбара любила больше всего на свете. Кроме того, дочь Лоис пыталась забеременеть уже два года. Весь прошлый год Лоис держала Барбару в курсе всех дел Терезы: фертильные даты, циклы овуляции и вагинальная смазка – от всего этого Барбара чувствовала себя очень неловко рядом с Терезой. По словам Лоис, они уже собирались попробовать ЭКО. Теперь им не придется этого делать.

– Да, конечно, она в восторге. Я бы ничего не сказала, но я волновалась, что все так долго тянется.

Лоис говорила это Барбаре несколько раз.

– Когда срок?

– Даже не знаю. Я должна была спросить, конечно. На самом деле у меня нет никаких подробностей. Она написала мне за несколько минут до того, как я написала тебе.

Барбаре потребовалось некоторое время, чтобы переварить услышанное. Единственная дочь *написала* матери, что беременна (она что, позвонить не могла?), и потом Лоис написала *Барбаре!*

Хватит всех осуждать, упрекнула себя Барбара.

– Вообще-то, наверное, лучше попросить, потому что она может мне позвонить.

– Да, иди. Отличные новости, Ло. Передай Терезе мои наилучшие пожелания.

Барбара положила трубку как раз в тот момент, когда вдруг чихнула. Она вытащила из рукава бумажный платочек, затем снова взяла свой чай и сделала глоток. Новый ребенок. Есть ли что-нибудь более важное? Это было особенно здорово, потому что Терезе далось нелегко. У Барбары тоже были с этим сложности, но когда она пыталась завести ребенка, не было ни ЭКО, ни групп поддержки или специалистов по планированию семьи. Если кто-нибудь спрашивал, хочет ли она детей, она просто улыбалась и отвечала: «Может быть, когда-нибудь». Как будто желание иметь ребенка было постыдной тайной.

У Барбары зазвонил телефон.

– Барби, – сказал Бен, когда она взяла трубку.

– Привет, Бен.

– Я только что вышел с работы. Как дела?

Под «делами» Бен, конечно, подразумевал *Эсси*. Они с Беном сверяли свои впечатления каждую неделю или две со времени «того раза». Барбара ожидала, что по прошествии месяцев и лет Бен перестанет так делать, но он не перестал.

Несмотря на свои слабости, Бен, несомненно, любил жену.

– Эсси сказала, что ты берешь девочек на ночь.

– Да, она устала.

Он тяжело дышал и явно бежал домой.

– И она... тебе кажется, с ней все в порядке?

Барбара поставила чашку на стол.

– А тебе как кажется?

Дыхание Бена смягчилось. Должно быть, он перешел на шаг.

– Более или менее. Сейчас она одержима позами сна Полли и постоянно все гуглит. Но это же нормально для мамы новорожденного?

Барбара понятия не имела, можно ли сегодня считать это нормальным. Когда Эсси была ребенком, не было ни Гугла, ни консультантов по сну. Если ребенок плакал, просто приходилось как-то с этим справляться.

– Не знаю, Бен.

С минуту он молчал. Барбаре пришло в голову, что это был один из немногих случаев, когда Бен был серьезен – когда он говорил об Эсси.

– Проводи с ней больше времени, – наконец решительно сказала Барбара. – Приходи домой раньше и помогай с девочками, сколько сможешь. Я буду делать то же самое. Если что-то изменится, дай мне знать.

– Ладно, – сказал он. – Хороший план. Поговорим позже.

– Поговорим позже, – ответила Барбара и повесила трубку.

То, что сказал Бен, не слишком беспокоило Барбару, но у нее было плохое предчувствие. В прошлый раз все быстро пошло под откос, и теперь ей нужно было все предусмотреть. В конце концов, она была матерью.

Это был ее долг – волноваться.

11. Эсси

По утрам в Плезант-Корт суетно. Люди идут на работу, отвозят детей в школу. Дети катаются на велосипедах, взрослые бегают. Эсси выбежала из дома с Полли на бедре, коробкой кексов под мышкой и ланч-боксом Мии в руке. Еще не было и восьми утра, а жара уже нарастала.

– Бен, – позвала Эсси, размахивая коробкой. – Завтрак для Мии!

Она протянула ему ланч-бокс через открытое окно машины, а Миа помахала рукой с заднего сиденья. Она ходила в детский сад для трехлеток два с половиной дня в неделю, и Бен отвозил ее сам (о чем упоминал каждый раз, когда его спрашивали о детях). Было бы замечательно, если бы он *не забывал все*, что нужно Мии. Почти каждый день Эсси приходилось тоже ехать в детский сад, потому что Бен забыл дома ее шляпу, одеяло, бутылочку с водой. Когда она говорила об этом Бену, он всегда выглядел пристыженным, но это ничего не меняло.

– Эсси. – Эндж медленно поднималась по ступенькам крыльца, она была в туфлях на очень высоких танкетках. – Эсси! У тебя есть минутка?

– Конечно. – Эсси посадила Полли на бедро.

– Я говорила с людьми из соседского дозора в Виктории. Они сказали, что как только мы наберем побольше участников, нужно будет запланировать встречу с местной полицией. Мы можем устроить ее у меня. Я думала о буднем вечере. Итак, нам нужно обзвонить и соседей и... а вот и Френ...

Френ спускалась по ступенькам, она была в спортивной одежде.

– Опять на пробежку. Клянусь, два часа назад я видела, как она бегала.

Похоже, Френ *действительно* много бегала. Эсси запомнила, потому что каждый раз, когда видела ее, чувствовала себя виноватой, что сегодня опять *не* бегает. Возможно, у Френ была зависимость от физических упражнений. Или расстройство пищевого поведения. Может быть, она съедала целиком пирог, а потом наказывала себя бегом в течение нескольких часов. Она не была похожа на такого человека, но кто знает? По правде говоря, несмотря на частые встречи, она вообще мало что знала о своих соседях.

– Могу я рассчитывать на то, что ты придешь на встречу?

– Конечно, – сказала Эсси.

– Отлично. Ну, тогда извини, я пойду спрошу Френ. Френ!

Эсси направилась к Изабелль. Прошлой ночью, когда она в пятьдесят седьмой раз укладывала Полли спать, решила сделать что-нибудь приятное, чтобы поприветствовать Изабелль по-соседски, так что первым делом сегодня утром она испекла кексы. Что может быть более гостеприимным, чем кексы? Она держала пластиковый контейнер в одной руке, а Полли в другой, когда подошла к входной двери.

Она заметила, что это была совершенно новая дверь с блестящим дверным молоточком, который казался слишком современным для такого дома. Эсси не была внутри с момента пожара, который случился почти четыре месяца назад. Пожар из-за проводки, по-видимому, начался на крыше. Пламя разбудило Бена. К тому времени как они выбежали на улицу, половина соседей уже стояла снаружи в халатах. Миссис Харрап, предыдущий жилец, гостила у своей дочери в Квинсленде (они знали это наверняка, потому что все по очереди поливали ее растения и забирали почву), так что соседи могли наслаждаться драмой без страха за человеческую жизнь. На самом деле это было захватывающе. Приехали ребята с телевидения, и большинство соседей поговорили с ними, но Эсси по какой-то причине выбрали для основного интервью и даже показали в шестичасовых новостях (Эндж была зеленая от зависти). После этого миссис Харрап переехала к дочери, а домовладелец возместил ей ущерб. Через несколько недель туда въехала Изабелль.

Эсси уже подняла руку, чтобы постучать, когда дверь распахнулась.

– Я даже не успела постучать! – воскликнула Эсси.

Изабель улыбнулась. Она была без макияжа, одета в бордовый халат в восточном стиле. Босая, с пурпурным педикюром.

– Я увидела, как ты идешь по тропинке, и мне показалось, что у тебя заняты руки. Давай я помогу. – К удивлению Эсси, она потянулась к Полли.

– Спасибо, – сказала Эсси. – Прости, я тебя разбудила? Я хотела занести тебе их пораньше, потому что подумала, что ты уйдешь на работу.

– Я сегодня не работаю. Мне еще нужно распаковать вещи. – Изабель не сводила глаз с Полли, которая положила свою пухлую маленькую ручку ей на подбородок. Изабель бросила взгляд на контейнер в руках Эсси. – Что у тебя там?

– Кексы с малиной и белым шоколадом.

– Вот это да. – Изабель наконец оторвала взгляд от Полли и потянулась за контейнером. – Они еще теплые. Ты, должно быть, встала чуть свет, чтобы испечь их.

Эсси пожалала плечами.

– Ну... У меня же дети, поэтому я всегда рано встаю.

Она заметила, что халат Изабель слегка расстегнулся, открыв узкую полоску обнаженного тела до пупка. Эсси быстро отвернулась, но ей не стоило беспокоиться, потому что Изабель снова обратила внимание на Полли.

– Она милая, – сказала Изабель, сжимая пальцами один из пальчиков на ноге Полли. Полли наградила ее широкой улыбкой, на которую Изабель ответила тем же. Эсси наблюдала за происходящим, чувствуя себя чужой. Когда Полли в последний раз так ей улыбалась? Она когда-нибудь *сжимала* пальчики Полли? – Я люблю детей, – сказала Изабель. – Если тебе понадобится бебиситтер, просто дай мне знать.

– Спасибо, – сказала Эсси, хотя и была удивлена. Изабель не была похожа на человека, который сходит с ума по младенцам. – Я скажу Эндж и Френ. Мы постоянно ищем, кому посидеть с детьми.

– Ну, полагаю, я должна вернуть тебе твоего ребенка, – сказала Изабель, возвращая Полли. Ее взгляд на мгновение задержался на Эсси. – Твои глаза, – сказала она.

– О, – сказала Эсси. – Да. Они странные.

– Один голубой, другой карий?

– Оба голубые. – Эсси указала свободной рукой на свой левый глаз. – Но на этом родимое пятно, поэтому он и кажется карим.

Эсси заметила, что у Изабель тоже голубые глаза, насыщенного глубокого цвета, даже синее, чем у нее.

– Держу пари, тебя постоянно об этом спрашивают.

– Иногда, – ответила Эсси, хотя на самом деле это редко кто замечал.

Был один странный парень, с которым она встречалась, когда была моложе. Но с тех пор как она попала в общество семейных людей, никто не обращал на нее внимания. Было приятно, что Изабель заметила.

– Ну, я думаю, мне пора, – сказала Эсси после долгого молчания.

Она надеялась, что Изабель пригласит ее войти. Ее собственный дом был таким одиноким в те дни, когда Миа была в детском саду. Соседи редко заходили в будни – Эндж работала полный день, а Френ постоянно бегала. Мама часто заглядывала к ней, чтобы составить компанию, но это было не то же самое, что друг. Эсси поймала себя на том, что представляет, как они вместе заваривают чай, возможно, она даже поможет Изабель распаковать несколько коробок. Но Изабель просто прижалась к двери, закрыв ее на три четверти.

– Спасибо за кексы, – сказала Изабель. Она снова протянула руку к Полли, на этот раз сжав ее ручку. – Пока, Полли.

Изабель закрыла дверь, и Эсси пошла обратно по дорожке по направлению к улице. Но когда она взялась за ручку калитки, кое-что пришло ей в голову.

Она ни разу не говорила Изабель, что ее дочь зовут Полли.

12. Изабелль

Изабелль смотрела в окно. Она все еще была в халате, хотя на дворе стоял день – слишком жарко, чтобы одеться и выйти на улицу. И вот она сидела в своей гостиной, наблюдая за какими-то людьми.

Из ее окна было на что посмотреть. Час назад подъехала Эндж и побежала в дом с красной сумкой – вероятно, обед для Олли, который сидел дома с ярко-зеленым гипсом на руке. Френ дважды выходила на пробежку – дважды! – с детьми в двойной беговой коляске. И десять минут назад Эсси усадила Полли в машину и уехала, помахав рукой матери, которая в широкополой шляпе с лентой пропалывала садик перед домом.

Так вот что такое пригород, подумала она. Сплоченный. *Приятный*. Люди разговаривают друг с другом, следят за всем. (В своем почтовом ящике Изабелль нашла оповещение о встрече соседского дозора сегодня вечером в доме Эндж.) Здесь трудно сохранить что-то в секрете.

Зазвонил телефон.

Жюль, подумала она. Сегодня Изабелль много думала о Жюле.

– *Делай то, что должна*, – сказал Жюль, когда Изабелль объявила, что переезжает в Мельбурн. *Делай то, что должна*. Она не назвала причины. И Жюль все равно отпустил ее, не задавая вопросов.

На первый взгляд это было похоже на пренебрежительный ответ, как будто Жюлю было не важно, что она собирается делать. Но на самом деле все было наоборот. Жюль просто старался не спрашивать. Вот почему их отношения сохранялись, когда другие разваливались. Изабелль вдруг подумала, как это мило... и как печально.

Она взглянула на экран. Это был не Жюль, а ее отец.

– Папа.

– Ты взяла трубку! – раздался его гулкий голос. – Я уж думал, что придется заявлять в полицию. А потом услышал, что ты переехала в Мельбурн!

Изабелль боролась с желанием изобразить плохую связь и повесить трубку. Но нужно иногда говорить с ним, иначе он *правда* заявит в полицию.

– Послушай, мне очень жаль, что я не связалась с тобой. Мне просто... нужны были перемены.

– Ну, мне это не нравится, – сказал он. Его голос, возможно, был чересчур громким, но она знала, что ему больно оттого, что она переехала, не сказав ему. Она представила себе его большое морщинистое лицо, на котором застыла тревога. – Не нравится, что ты так далеко.

Интересное замечание, учитывая, что в Сиднее они не виделись почти год. Она вспомнила прошлогоднюю Пасху, когда провела день в его доме с двумя единокровными сестрами-подростками. Отец купил им все красивые пасхальные яйца, которые никто из них не ел – сестры сидели на какой-то диете, а Изабелль просто не могла смотреть, как он бегаёт вокруг стола, разглагольствуя, как чудесно собрать всех детей вместе. Изабелль пришлось напомнить ему, что ее брат Фредди проводит каникулы с семьей своей жены, и у него даже не хватило такта извиниться. Ее отец не был плохим человеком, но он был бесполезен для нее и брата в течение многих лет.

– Послушай, я просто хотел... – сказал он, а потом его голос сорвался, и Изабелль услышала Рэйчел, свою шестнадцатилетнюю сестру, которая разговаривала на заднем плане. – В чем дело? Ой. Иззи, подожди секунду, ладно? Что случилось, милая?

Изабелль закрыла глаза и тихо ударила головой о стол.

– Айпад не работает, – сказала Рэйчел жалобным противным голосом.

Изабелль попыталась вспомнить, говорила ли она так же с отцом, когда ей было шестнадцать. Маловероятно: когда Изабелль было шестнадцать, ее родители развелись, и она стала гостьей в доме своего отца.

– Я подойду через минуту, – сказал он Рейчел. – Я разговариваю с Изабелль. Не хочешь поздороваться?

Изабелль услышала, как телефон пронесся по воздуху, и представила, как Рэйчел дико трясла руками, шепча: «Не-е-е-ет!», а отец рассеянно улыбался.

– Привет, Рэйч, – сказала Изабелль.

– Привет. – Ее голос звучал угрюмо и безразлично. – Теперь ты можешь его починить, папа?

Изабелль вздохнула. Она знала, чем это закончится. Ее отец хотел бы поговорить с ней, но его новая семья в приоритете. Он совершенно ясно давал это понять каждый раз, когда, например, поздравлял ее с днем рождения с опозданием на несколько дней, и в тот же день публиковал на Фейсбуке фотографию, на которой он и ее сестры были в какой-то однодневной поездке – к озеру, в горы, в зоопарк. Изабелль знала, что она слишком взрослая, чтобы хотеть быть главной для своего отца – ради бога, ей почти сорок, – но это все еще раздражало ее. Она задавалась вопросом, будет ли иметь значение тот факт, что она тайно переехала в Мельбурн. Может быть, на этот раз он скажет Рэйчел: *Извини, но айпаду придется подождать. Я разговариваю с Изабелль.*

– Ты пробовала его выключать и снова включать?

Изабелль посмотрела в окно. Френ снова была там, сажала Аву и Розу в прогулочную коляску. *Ты же не собираешься опять бегать?*

В телефоне Изабелль услышала, как ее сестра издала пронзительный звук, больше похожий на звериный, чем на человеческий: «Папа!!!»

– Иззи, ты не против, если я перезвоню позже? Я позвоню с работы завтра, и тогда нам никто не мешает.

– Конечно, – пробормотала она.

Френ, как оказалось, *правда* выбежала на пробежку в третий раз за сегодня. Сумасшедшая женщина. Неужели никто не замечает, что у нее какая-то зависимость?

– Но Иззи?

– Да, папа?

Пауза.

– С тобой все в порядке, да? Ты же сказала бы мне, если бы что-то было не так?

Это было так типично для ее отца – ждать до последнего момента, чтобы сказать, зачем он на самом деле звонил. Он всегда так делал, когда ему не очень-то хотелось знать ответ. Поэтому она не видела смысла говорить ему правду.

– Я в порядке. Спасибо, что позвонил.

Она повесила трубку, все еще глядя в окно. Эсси пыталась отстегнуть Полли от сиденья машины, а Миа стояла рядом с ней, сжимая в руках бинокль, сделанный из рулонов туалетной бумаги. Это могла быть ее жизнь, поняла Изабелль. Она могла быть так же одержима бегом, или пререкаться с детьми, или обедать с ребенком, когда у него сломана рука. Вместо этого она была зрителем – странная женщина в халате, наблюдающая за жизнью через окно.

Но она собиралась вернуть свою жизнь. Именно за этим она и приехала в Плезант-Корт.

– *Роды точно начались?* – спросила я у медсестры.

– *Теперь их уже не остановить,* – сказала она, протягивая мне планшет. – *Заполните эти документы, чтобы мы могли принять вас...*

Следующая схватка была уже близка. Я едва успела перевести дыхание после предыдущей. Медсестра положила бумаги на столик.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы кто-нибудь связался с вашим мужем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.